

Угол атаки

Автор:

Мария Воронова

Угол атаки

Мария Владимировна Воронова

Суд сердца. Романы М. Вороновой #10

Судью Ирину Полякову вызвали в горком партии и дали четкое указание: пилотов, которые посадили неисправный самолет на воду и тем самым спасли пассажиров, признать виновными. Этого требует международная политика: если станет известно, что авария произошла не из-за разгильдяйства людей, а вследствие поломки конструкции воздушного судна, страны-партнеры одна за другой откажутся покупать самолеты этой марки. Что значит доброе имя двоих людей в сравнении с возможными проблемами родной страны? И в этот раз Ирина, кажется, согласна с этим утверждением. А потому готова сделать так, как от нее требуют. Просто ей некогда ознакомиться с материалами дела. Или все-таки не хочется?

Наконец-то романы Марии Вороновой оценены по достоинству и выходят большими тиражами в новой серии «Суд сердца. Романы М. Вороновой»! Любовно-психологические романы с яркой детективной составляющей переносят читателей в ретро-времена: в 80-х годах 20 века молодая судья Ирина Полякова и два народных заседателя, которые каждый раз назначаются новые, вершат судьбы. Милосердие, беспристрастность, пытливый ум, а главное – та самая пресловутая женская логика, над которой принято насмехаться мужчинам, позволяет раскручивать такие дела, которые стандартными методами не решить. Описание быта того времени никого не оставит равнодушным, накал страстей, честь и достоинство, которые для героев М. Вороновой не пустые слова – всё это самой высшей пробы!

Мария Воронова

Угол атаки

© М.В. Виноградова, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Предисловие

Несколько лет назад, собирая материалы для книги, я случайно узнала о посадке гражданского самолета на Неву. Интересно, что, прожив в Санкт-Петербурге почти пятьдесят лет, я никогда не слышала об этой истории.

Итак, 21 августа 1963 года самолет «Ту-124» с экипажем в составе командира воздушного судна (КВС) Виктора Яковлевича Мостового, второго пилота Василия Григорьевича Чеченева, штурмана Виктора Царева, бортмеханика Виктора Смирнова, бортрадиста Ивана Беремина, бортпроводников Александры Александровой и Виктора Харченко совершал рейс из Таллина в Москву. После взлета передняя нога шасси не убралась, и самолет был направлен на запасной аэродром в Ленинград для выполнения там посадки с неисправной передней ногой шасси. Пройдя контрольный пункт Кикерино, «Ту-124» продолжал полет в окрестностях аэропорта с целью выработки топлива до остатка, определенного для посадки с выпущенной передней ногой шасси. Через три

часа полета остановился сначала левый, а потом и правый двигатели, запустить их вновь оказалось невозможно. Благодаря профессионализму и выдержке экипажа самолет благополучно совершил вынужденную посадку на Неву между Финляндским и Большеохтинским мостом. Подоспевшим к месту приводнения катером Северо-Западного речного пароходства (капитан Юрий Поршин) он был отбуксирован к берегу, эвакуированы находившиеся на борту пассажиры и экипаж. Погибших и пострадавших не было. В дальнейшем пилотов не наказали, но и не наградили, широкой огласки происшествие не получило. Одним из тех, кто встал на защиту командира воздушного судна, которого хотели отдать под суд, был известный писатель Василий Ардаматский. Его участие и активность спасенных пассажиров помогли экипажу избежать уголовного преследования и продолжить летную работу.

На меня эта история произвела очень сильное впечатление, я долго мечтала написать о ней и наконец решилась. Прежде всего хочу обратить внимание читателей, что это не хроника, а художественное произведение, написанное по мотивам тех событий. Время действия перенесено на двадцать лет вперед, допущены другие неточности, но главное, что члены экипажа «Ту-124» не являются прототипами персонажей этой повести.

Мария Воронова

Часть первая

Апрель

Весеннее солнце подмигивало в окно кабинета, по радио обещали благодать, и Ирине захотелось на дачу. Как там сейчас должно быть хорошо, светло и ясно, а от распускающихся листочков пахнет юностью и первой любовью... Строго взглянув на солнце, которое дразнило и звало на улицу, как подружка-хулиганка, она сказала:

– А Ира гулять не выйдет. У нее двое детей, которых в холодный дом тащить нельзя, а оставить не с кем.

Вечером она предложила Кириллу в выходные съездить на дачу самому или в компании Виктора Зейды, которому, кстати, будет где провести время со своей тайной возлюбленной Яной, но муж внезапно позвонил не загадочному другу, а Гортензии Андреевне, и та героически согласилась посидеть с детьми, пока супруги не менее героически готовят дачу к летнему сезону.

Ирина бросилась сразу и собираться, и готовить обед на выходные, и наводить порядок, чтобы Гортензия Андреевна не имела повода думать, будто она неидеальная хозяйка, и, как ни странно, преуспела по всем трем направлениям, после чего упала в кровать, как подкошенная, а в семь утра уже дремала в электричке, склонив голову на плечо мужа, широкое, но весьма жесткое и неудобное.

На даче зима только-только отступила, в канавах и в густой тени высоких елей еще лежали островки серого в черную крапинку снега, и новая трава еще не закрыла прошлогодней, а только пробивалась сквозь нее трогательными беззащитными иглами.

Войдя в темный стылый дом, Ирина зябко повела плечами и пожалела, что приехала, но Кирилл сразу затопил печку. Дрова, отсыревшие за зиму, долго не хотели разгораться, потрескивали и шипели, но вскоре огонь занялся, заговорил о чем-то быстро и убедительно, потянуло дымком, и сразу стало уютно и хорошо.

Ирина распахнула тяжелые занавески на окнах, вымыла полы и отнесла одеяла с подушками проветриться на солнцепеке. Немного подумала, не сделать ли того же с постельным бельем, которое, выстиранное и выглаженное осенью, после зимы все же отдавало немного затхлостью, но решила не халтурить, а как следует пройтись утюгом по простыням и пододеяльникам.

Ожидая, пока утюг разогреется до нужной температуры, Ирина вдруг подумала, что подготовка дома к дачному сезону ассоциировалась у нее с какой-то штурмовщиной, героическим и непосильным трудом на пределе всех сил человеческих, и теперь, когда выяснилось, что это не так, она чувствует себя виноватой. То ли лентяйкой, то ли полной дурой, не видящей фронта работ. Но раз уж серьезных дел больше нет и печка прогорит, как раз когда она доглядит, надо мчаться домой, освобождать Гортензию Андреевну.

Впрочем, гладила она тщательно и не торопясь. Простыни были ветхие, без пяти минут тряпки, но старая учительница подарила им новую жизнь, виртуозно нашив заплатки на прорехи и самые истертые участки. От этого некоторые постельные принадлежности стали напоминать полотна приверженцев кубизма или политическую карту Африки, где многие границы представлены прямыми линиями, но спать на них удивительным образом оказалось приятно. Ирине совсем не хотелось разрушить творчество Гортензии Андреевны неосторожным движением утюга. Вот она и старалась.

Работа спорилась, печка хлопотливо шумела, зимняя стужа под утюгом испарялась без остатка, в магнитофоне на подоконнике задумчиво пел Тото Кутуньо, Ирина вторила ему, пытаясь разгадать смысл песни на основании скудных знаний латыни, которые она получила в университете, и мысли в голове витали дачные, простенькие и ясные, как солнце за окном.

Между тем было чему ворваться в эту безмятежность... Например, предстоящий процесс, исход которого уже предрешен, хотя дело еще даже не передано в суд. Председатель ясно дал понять, что распишет его своему лучшему судье, то есть ей, Ирине Андреевне Поляковой. Во вторник после обеда они вместе едут на прием в горком партии, и, видимо, приговор действительно важен, раз партийная верхушка не ограничилась телефонной «указивкой», а снизошла до личной беседы.

Ах, хорошо бы в понедельник проснуться бессовестным и беспринципным человеком и без всяких терзаний провести процесс так, как того желает руководство... Сосредоточиться на доказательствах вины, а все, что свидетельствует в пользу невиновности, игнорировать или вообще признавать недопустимым доказательством, если факты слишком уж колют глаза. Все можно подверстать под обвинительный приговор, когда внутреннее убеждение тебе спустили сверху.

Честность и порядочность в такой ситуации тоже способны сыграть с судьей злую шутку. В диссидентском запале он, наоборот, может скептически воспринять доказательную базу, счесть ее недостаточно убедительной и оправдать подсудимого по принципу «назло маме отморожу уши». А ведь если партия требует наказать гражданина по всей строгости закона, это еще не гарантирует его невиновности.

Ирина тщательно, уголок к уголку, сложила последний пододеяльник и порадовалась, какая ровная получилась стопочка, не стыдно будет открыть шкаф при посторонних. И честно говоря, в выходной день хочется думать именно о такой вот ерунде, а не торговаться со своей совестью, тем более пока еще не знаешь ни сути, ни цены сделки.

А может, прибегнуть к испытанному и безотказному средству самозащиты – больничному листу? Участковая в детской поликлинике почти подруга, на Володю даст без звука. Ведь ребенок всю зиму ничем не болел, честно тянул лямку в ясельках и давно заслужил небольшую передышку.

Дней на десять затаится, и все, гроза минует, ибо у власть имущих определенно где-то припекает. Провели расследование стахановскими методами, буквально на сверхзвуковой скорости, а передают вообще со световой. Так что точно не станут дожидаться, пока у ребенка судьи пройдет насморк.

Только Ирина прекрасно знала, что из суеверия не будет просить больничный на здорового ребенка. Поноет председателю суда Павлу Михайловичу, но если он не сжалится, то примет удар на себя.

А дальше как будет, так и будет, и нечего переживать о том, что еще не случилось! – от этой мысли в голове вдруг стало пусто и просто.

Ирина засмеялась и, в третий раз проверив, что утюг выключен, вышла во двор.

Кирилл, голый до пояса, вскапывал грядки.

Лопата, казалось, сама танцевала в его руках, и так выходило у него споро и красиво, что Ирина невольно загляделась и в конце концов удивилась, что этот молодой сильный мужик – ее муж.

Хотела сказать, что апрельское солнце коварное и надо надеть рубашку, чтобы не простудиться, но снова засмотрелась, как красиво мускулы Кирилла перекачиваются под кожей в такт работе, и забыла.

Подойдя поближе, она увидела, что Кирилл копает слишком глубоко.

– Стой, стой, ты мне весь песок выворотил!

Вогнав лопату в землю, Кирилл нахмурился:

– В смысле?

– Разрушил весь тончайший плодородный слой. И так-то зона рискованного земледелия, а теперь ты с песком перемешал, вообще фиг что взойдет.

– Да?

Ирина отвела взгляд, досадуя на то, как она могла забыть фундаментальный принцип, что нельзя мужика ругать, когда он что-то делает по дому. Все, что муж совершает вне дивана, – идеально и восхитительно.

– Ладно, – Кирилл вновь взял лопату и примерился, – угол атаки дам поменьше.

Ирина приосанилась:

– Угол атаки – это угол между направлением вектора набегающего на тело потока и характерным продольным направлением, выбранным на теле.

– Ничего себе! – улыбнулся Кирилл. – Откуда такие познания?

– Читаю книги для процесса. Очень надеюсь, что не понадобится, но все равно читаю. И понимаю четыре слова из десяти, – нехотя призналась Ирина.

Она вернулась в дом и, пока на раскаленной оранжевой спирали электроплитки закипала вода для сосисок, порезала помидоры. Они были твердые, водянистые и ничем не пахли.

Сейчас они с Кириллом поедят, и можно ехать домой. Как раз успеют на трехчасовую электричку. Но муж вдруг, отфыркиваясь под рукомойником, сказал:

– Гортензия Андреевна с ночевкой подрядилась, так давай еще побудем! Мы так давно не оставались с тобой вдвоем!

Да, редко, а вернее сказать, никогда. Не было у них медового месяца, того глупого и блаженного коротенького периода свободы вдвоем, когда люди отвечают только за самих себя и друг за друга. Как ни грустно, а про них с Кириллом нельзя сказать, что они создали семью, нет, это он вошел в маленькую семью, состоявшую из Ирины и ее сына Егорки. Казалось бы, разница небольшая, но все же есть. С чем-то пришлось ему смириться, к чему-то приспособиться... Какие-то свои планы и желания оставить при себе, даже не озвучив. А Ирина до сегодняшнего дня как бы ценила, что он взял ее с ребенком, но при этом не задумывалась, чего он из-за этого лишился.

И она, уже открыв рот, чтобы напомнить, что дома их ждут не самые послушные в мире дети, с которыми тяжело справляться даже такому мощному педагогу, как Гортензия Андреевна, захлопнула его и кивнула, мол да, конечно, давай останемся.

После обеда Кирилл взял из сарая старое жестяное ведро с вмятиной на боку и выкатил Володину сидячую колясочку.

– Наверное, в этом году она уже не понадобится, – сказал он, устанавливая ведро на сиденье.

– Наверное, – вздохнула Ирина.

– Во всяком случае, надеюсь, Володя не узнает, что отец катается в его лимузине. Сгоняю быстренько на карьер, привезу тебе землиčky.

– Куда?

– На карьер.

– Далеко это?

– А ты не знаешь?

– Откуда? – Ирина засмеялась. – Из местных культурных точек мне известны только магазин, вокзал, аптека. Библиотека еще, но она в одном доме с магазином, так что не считается.

– Пойдем тогда со мной, покажу.

Через десять минут они оказались на опушке леса. Ноги пружинили на толстом ковре порыжевшей хвои, из-под которого тут и там выбивались наружу узловатые корни, про которые Ирина в детстве воображала, что это щупальца злых волшебников. Среди рыжих корабельных сосен было тихо, гулко и даже страшновато. Ветер слегка раскачивал верхушки, и шишки падали с веток почти беззвучно.

– Ну вот, – сказал Кирилл, когда они вышли на полянку, поросшую молодыми елочками и прутиками, в которых угадывались будущие березы.

– Это и есть твой карьер? – удивилась Ирина.

– Был.

Бросив коляску, Кирилл быстро обошел вокруг полянки.

– Эх, такая была мощная яма... Я тут все детство проиграл, столько замков песочных было построено и крепостей... – он сокрушенно покачал головой, – а рядом лежала непонятно зачем гора земли, откуда все дачники таскали.

– Вот и вытаскали. Ничего страшного, я потом на станции грунта куплю.

Кирилл сел у подножья сосны.

– Просто так странно вдруг стало, – сказал он тихо, – когда видишь, что в твоей песочнице вырос лес, очень остро осознаешь, что детство прошло очень давно.

Он прислонился к дереву и закрыл глаза, а Ирина провела ладонью по теплому шершавому стволу и вспомнила, как делала с отцом кораблики из кусочков такой сосновой коры. И все же ей не стало грустно, потому что проходит не только хорошее, но и плохое. Карьер стал полянкой, вожденная куча земли

разошлась по участкам, впиталась в почву и взошла ландышами, подснежниками и черникой.

Прямо перед ее глазами застыла капля смолы, так дерево залечивает свои раны.

Кирилл вдруг рывком притянул ее к себе.

Ирина обняла его, прижалась губами к сухим горячим губам и успела еще подумать, что если кто-то подойдет, то они ничего не услышат, но очень быстро это стало совершенно все равно.

18 марта

Ян Колдунов вошел в здание аэровокзала. Форма была выглажена без единой морщинки, как это умеет только мама, в дипломате бутылка умопомрачительно дорогого и дефицитного армянского коньяка соседствовала с маминым ванильным печеньем, а голова Яна Александровича была снаружи прекрасна, а внутри полна надежд и планов на будущее. Поймав свое отражение в стеклянной двери, Колдунов приосанился и улыбнулся от радости, как он хорош и впереди его ждет тоже только хорошее.

Он летел в Москву представляться генералу, старому, но не очень близкому товарищу отца. В этом году Ян заканчивал академию. Годы учебы он посвятил именно учебе, а не пьянкам и прочим интересным приключениям, как все нормальные люди, поэтому кафедра хирургии с удовольствием готова была его оставить у себя, но для этого требовалось окончить с золотой медалью, что, в свою очередь, было возможно только при наличии высокого покровителя. Много ребят поумнее Яна, до шестого курса не имевшие ни одного «хорошо» в зачетке, вдруг получали трояк на госэкзамене и благополучно отправлялись пасти белых медведей куда-нибудь на Новую Землю, а были и такие, что учились как все, ни шатко ни валко, а перед выпуском вдруг пересдавали какую-нибудь химию за первый курс и половину других предметов и внезапно выходили в медалисты. Поэтому Ян не удивился, когда завкафедрой прямо сказал ему, что коллектив примет его с радостью, но только если найдется кому замолвить за него словечко.

Папа по такому случаю спрятал гордость в карман и связался с однокашником, занимавшим теперь видный пост в Министерстве обороны. Тот выслушал благосклонно, но сказал, что должен знать, за кого просит, вот Ян и ехал с визитом, снаряженный самым лучшим коньяком, который только способна породить щедрая армянская земля. Папа предупредил, что Гришка, то есть, пардон, Григорий Семенович, мировой мужик и ни за что не откажет, а великосветская церемония затеяна лишь для того, чтобы посмотреть, что выросло из вредного голосистого младенца, в свое время обмочившего будущего генерала.

Предстоящая встреча приятно будоражила, но не страшила, в самом деле, не может же не понравиться такой великолепный парень, и сам по себе красивый, да еще и только что из маминых заботливых рук! Просто чудо, а не мужчина! Ян снова поймал свое отражение на стекле, чтобы окончательно в этом убедиться.

Колдунов зашел в туалет, причесался, еще раз проверил, что форма сидит отлично и все в ней строго по уставу, и вернулся в зал ожидания. Из буфета заманчиво пахло настоящим кофе и булочками, но не хотелось портить впечатление от маминого завтрака, и Ян, миновав ряд высоких одноногих столиков, прошел к панорамному окну, за которым было видно летное поле и где уже прижался носом к стеклу парнишка лет двенадцати. Ян встал рядом, слегка стыдясь своего детского любопытства, но что поделать, если он раньше никогда не летал самолетом... На поездах без конца катался, а по воздуху до сегодняшнего дня не довелось. Он бы и сейчас поехал железной дорогой, но родители пожалели. Слишком уж напряженный график. Ночь с пятницы на субботу в поезде из Ленинграда в Таллин, с субботы на воскресенье – из Таллина в Москву, а с воскресенья на понедельник – из Москвы обратно в Ленинград. «Пусть ребенок хоть одну ночку у родителей поспит», – сказала мама. Главное, что после ночи в поезде трудно сохранить хрустяще-крахмальный вид, как ни наводи накануне красоту, а заступаться за помятых и пожеванных парней не хочется даже самому снисходительному генералу. Вот папа и взял любимому сыну билет на самолет.

Летное поле походило на огромный асфальтовый стадион с непонятной разметкой. Самолет виднелся далеко, так что надпись «Аэрофлот» на борту расплывалась. Зато под самыми окнами стояли вертолеты с лопастями, уныло поникшими, как увядающие лепестки. По полю ехал львовский автобус цвета яичного желтка и сновали грузовички необычного вида. Особенно впечатлил Яна маленький трактор, тянущий вереницу тележек с сумками и чемоданами. Сам он

летел без багажа, и это давало чувство легкости и свободы.

Тут в громкоговорителе раздался сигнал, женский голос очень любезным тоном произнес что-то на неизвестном языке, повторил на другом неизвестном, и Ян понял, что пора ему идти на регистрацию.

У стойки уже выстроилась очередь с паспортами и билетами наготове. Перед Яном оказалась настоящая монашка, и он никак не мог заставить себя не разглядывать ее. Конечно, он знал, что есть на свете верующие, церкви и служители культа, но все это существовало где-то за пределами его мира, и встретить в аэропорту монашку, собирающуюся лететь в самолете, как простая смертная, было очень странно. Ян ощущал себя примерно так же, как было с ним в глубоком детстве при виде Деда Мороза. Вроде бы ты и знаешь, что это твой настоящий дедушка, но в то же время и чувствуешь, что не все так просто и явно не обошлось без настоящего волшебства. Монашка была щупленькой остроносой женщиной, рыженькой, судя по одинокому локону, выбившемуся из-под тяжелой черной косынки, плотно охватывающей лицо. Ян вспомнил, что церковная одежда, кажется, называется облачением. А вот сумка у монахини оказалась самая прозаическая, синий параллелепипед из кожзама с белой оторочкой и белой же символикой Олимпиады-80 на боку, которая, впрочем, так стерлась от времени, что едва угадывалась. У него тоже была такая сумка, только коричневая и сохранилась гораздо лучше, потому что с формой носить ее было нельзя. «Ну да, я же в военную академию поступил, а не в монастырь», – подумал Ян и сам не понял, улыбнулся или поморщился. Впрочем, все неудобные мысли тотчас вылетели из головы при виде новых пассажиров. В очередь встали три женщины – старушка, дама средних лет и девушка, от красоты которой у Яна захватило дух. Такая она была глазастенькая, с носиком и ладной фигуркой, что Ян очень нескоро поглядел на ее спутниц. Он старался не пялиться ни на самую девушку, ни на старушку, совершенно очевидно, родную бабушку, и на среднюю, промежуточную женщину тоже старался не смотреть. Она была немножко другая, покрупнее и совсем некрасивая, и Ян сначала даже решил, что она не родственница, но женщина, поймав его взгляд, слегка улыбнулась, и фамильное сходство проявилось совершенно отчетливо. Девушка тоже бросила на него взгляд из-под длинных пушистых ресниц, и Ян приосанился, попытавшись изобразить равнодушного покорителя женских сердец, а сам помолился, чтобы девушка летела одна и в соседнем с ним кресле. Впрочем, он успеет подкатить и после посадки, главное, не потерять ее из виду. Отвезти в такси, куда ей надо, ну а если девушку встречают, то взять телефончик – дело трех минут.

Хмурая эстонка на регистрации работала быстро, и Ян всего пару раз успел перемигнуться с девушкой, как оказался в темном зале со смешным названием «накопитель».

Возле двустворчатых стеклянных дверей стоял львовский автобус, с мордой короткой и печальной, как у пекинеса, и прогревал мотор, готовясь везти пассажиров к самолету.

Подошла сотрудница аэропорта, держа за руку давешнего парнишку, рядом с которым Ян пялился на летное поле. Внимательно оглядев пассажиров, стюардесса остановила свой выбор на монашке, подошла к ней и сказала, что мальчик летит один и в Москве экипаж сдаст его с рук на руки матери, но во время полета хотелось бы, чтобы за ним приглядел кто-то из пассажиров.

Монашка с улыбкой кивнула, показав крупные выпирающие зубы, а Яну стало немного обидно. Не то чтобы он хотел возиться с ребенком, но все же почему на роль ответственного взрослого выбрали служительницу культа, погрязшую во мраке предрассудков, а не, например, молодого военного врача? Без пяти минут аспиранта кафедры хирургии, между прочим.

Вспомнив об этом, Ян блаженно зажмурился. Завтра же мировой мужик Григорий Семенович позвонит куда надо, и колесо закрутится. И никаких проблем, на кафедре он давно уже свой, знает и работу, и правила игры, его любят, ждут и с радостью примут в коллектив. Он ведь не какой-нибудь тупорылый сынок, ему даже ни одного экзамена пересдавать не придется, в зачетке сплошь «отлично». И после генеральского звонка портить ее уже не будут.

Оперирует он сейчас на уровне среднего ординатора с приличным стажем, а то и получше, это не его раздутое самомнение, а слова начальника кафедры. Способности к научной работе тоже присутствуют, что подтверждено многочисленными рефератами с высокими оценками и десятком публикаций в журналах. Кандидатскую он точно напишет, сомнений в этом нет, так что после аспирантуры останется на кафедре ассистентом, потом доцентом, а там, глядишь, и до профессора доживет. Докторскую точно надо попытаться защитить до сорока, хоть это и редко кому из хирургов удается. Но, черт возьми, когда твои природные дарования удачно сочетаются с трудолюбием, на жизненном пути попадается опытный и заботливый наставник и в нужный момент находится покровитель, то тут грех не преуспеть!

Ян представил себя лет через двадцать хозяином просторного кабинета со сводчатыми окнами. Вот он в накрахмаленном до хруста двубортном халате проводит занятие с курсантами, вот оперирует, вот ведет прием... А потом садится в черную «Волгу» и едет домой на улицу Салтыкова-Щедрина (ему всегда хотелось жить там в доме с эркерами и огромным фонарем в арке, ведущей во внутренний дворик).

Заодно представил, что женился на сегодняшней девушке и она ждет его дома среди всякой красоты и почему-то в шелковом кимоно. Наверное, у них есть дети, но они уже взрослые и выпорхнули из родительского гнезда. Может, сын в военном училище, а дочка замужем. Естественно, за хорошим человеком. А может, еще маленькая, живет с ними и просит собаку, и он соглашается, хотя и знает, что кормить и гулять придется самому, несмотря на все клятвы дочери.

Вот такая жизнь ждет его, успех и полная чаша, и нечего думать о каких-то досадных мелочах, как ты не думаешь о крохотном камешке в ботинке, догоняя уходящий поезд. Успеешь вытряхнуть, когда вскочишь в свой вагон и займешь свое место.

* * *

Иван Леонидов готовился к неприятному, но необходимому разговору, ибо прав отец – если промолчать, то бог знает сколько еще проходишь во вторых пилотах. У него формально высшее образование, обучение он прошел, налет часов достаточный, все есть, чтобы стать командиром воздушного судна, а карьера тормозится по прихоти старикашки, который то ли просто вредничает, то ли до пенсии хочет пролетать с надежным вторым. Конечно, Лев Михайлович Зайцев по прозвищу Трижды Зверь для пилота древнее древнего, и весь коллектив, затаив дыхание, ждет, когда он наконец не пройдет медкомиссию, но год за годом Зверь преодолевает этот барьер с завидной легкостью и остается в левом командирском кресле. Вот уж действительно отсыпал Бог здоровья – лопатой не убьешь. И давать дорогу молодым он явно не собирается, только беда в том, что и Леонидов из комсомольского возраста давно вышел. Еще пару лет, и вводить его командиром уже будет нецелесообразно. Что тогда? Бесславный закат, вот что. Есть вторые, которых все устраивает, летают, и ладно, но он, сын Героя Советского Союза Николая Леонидова, просто не имеет права довольствоваться малым и убаюкивать себя, принимая поражение за победу. Вчера отец рассказал, что вопрос о вводе Ивана командиром практически решен,

единственная загвоздка в том, что Зайцев не дает рекомендацию, а его мнение в аэрофлоте имеет вес. «Я, конечно, буду работать над этим, – сказал отец, – но для начала ты сам с ним поговори, выясни, чем он недоволен, и поработай над собой. В конце концов, Лев Михайлович человек опытный и здравомыслящий, а я хочу по-настоящему гордиться своим сыном и быть уверенным, что он занимает высокий пост благодаря своим достижениям, а не по благу».

Иван собирался поговорить с Зайцевым вчера после рейса, но тот стремительно скрылся в командирском номере профилактория и не выходил на связь до самого утра. Для очистки совести Иван немножко послонялся под его дверь, но решил, что нарушать отдых пожилого человека – порядочное свинство, и лег спать, скорее довольный, чем раздосадованный отсрочкой. Утром он решил, что в предполетных хлопотах окошка точно не найдется, и воспрянул духом, что тяжелый разговор откладывается до следующей смены, но наземные службы аэропорта работали как швейцарские часы, и Леонидов, фантастически быстро пройдя медосмотр, метеорологов и службу организации перевозок, со всеми документами на рейс оказался в штурманской комнате на двадцать минут раньше срока. Лев Михайлович уже был там, пил кофе из бумажного стаканчика и читал вчерашнюю «Правду». Иван немного подождал, но штурман с бортиженером не торопились, видно, разговорились с приятелями. Повода промолчать, к сожалению, не нашлось.

– Разрешите обратиться?

– Слушаю тебя.

Дипломатия никогда не была сильной стороной Ивана, поэтому он сразу рубанул:

– Лев Михайлович, а почему вы не дали мне рекомендацию?

– Доложили-таки?

– Не в этом суть. Почему? Я хороший летчик, вы это знаете.

Зайцев кивнул, аккуратно сложил газету и молча уставился на Ивана из-под густых седых бровей. Леонидов поежился, но продолжал:

– Нареканий к моей работе нет, а что стаж маленький, так, простите, у меня восемь лет в морской авиации, и там я тоже был далеко не последний.

– Да?

– Да, Лев Михайлович! Любой вам скажет, что я летал отлично и опыт приобрел, знаете ли... Не в обиду гражданским пилотам будь сказано... И из штопора выводил, и на воду садился, и на лед.

– Я твоих заслуг не оспариваю, Иван Николаевич. – Зайцев допил кофе, смял стаканчик и с неохотой поднялся бросить его в корзину для бумаг. Леонидов тоже встал, отчасти из вежливости, а отчасти потому, что командир был очень маленького роста, а всегда приятно, когда начальство смотрит на тебя снизу вверх.

– Тогда в чем дело?

– Командир, Иван Николаевич, это не только мастерство, но и прежде всего ответственность, – Зайцев взмахнул бровями. – Ты должен думать не о высшем пилотаже, а о том, что у тебя полсотни жизней за плечами.

– Так я думаю.

– Ты обязан понять, что на борту существуешь не только ты, такой прекрасный, но экипаж и пассажиры, которые тоже люди и ничем не хуже тебя. Экипаж, Ваня, это не безликая услуга твоего героизма, заруби себе на носу. У каждого характер, особенности, проблемы. Я вижу, что ты можешь пилотировать самолет, стоя раком на ушах, но это не штука. Штука, Ванечка, в том, чтобы сплотить людей так, чтобы они работали как один человек. Разумно, согласованно и в благоприятной обстановке. Одно то, что ты затеял этот разговор перед полетом, уже говорит о том, что ты не готов. Настоящий командир знает, как опасна конфликтная ситуация в воздухе...

– Я не конфликтую, просто спрашиваю в плане работы над собой, – быстро перебил Иван.

Зайцев покачал головой:

– Ответственность и уважение, ничего сложного. Какой ты командир воздушного судна, если своим кое-чем командовать не можешь?

Иван оторопел:

– Не понял?

Лев Михайлович стал с преувеличенным вниманием раскладывать на столе карту погоды.

– Все ты понял, – пробурчал он, – женатый человек, а к Наташе клинья подбиваешь.

– Лев Михайлович, клянусь, ничего не было!

– Сегодня не было, а завтра будет, на грех мастера нет. И что? Что это будет, экипаж или публичный дом на крыльях? Ты тени такого допускать не имеешь права! Это табу должно быть, и не только потому, что вы сотрудники, но и потому, что ты взрослый мужик, а она двадцатилетняя девчонка, в голове у которой... – тут Лев Михайлович замялся, – ...в общем, черт знает, что в голове у двадцатилетних девочек, но точно не мозги. Это вот я тебе прямо гарантирую.

Иван пожал плечами.

– И еще у меня одна новость для тебя, – злорадно добавил Зайцев, – когда ты будешь командиром, то на бортпроводниц заглядываться тебе будет строжайше запрещено, зато в оба глаза придется смотреть, чтобы этого не делали члены экипажа. Как к дочкам придется тебе к ним относиться. Я понимаю, что для военного человека женщина – это прежде всего трофей, но в гражданской жизни другие порядки. Здесь она друг, товарищ и брат.

– Вы говорите, будто я пришел в аэрофлот не из Советской армии, а напрямиком из Золотой Орды. Знаменосец Аттилы будто прямо. Политрук Чингисхана.

Зайцев хмыкнул:

– И все же привыкай, что на гражданке иначе. У вас главное – это любой ценой выполнить боевую задачу, ну а мы без героизма перевозим людей из пункта А в пункт Б. Ты вот рискнул и катапультировался, а мы должны сделать так, чтобы такой необходимости не возникло ни при каких обстоятельствах.

Иван, кажется, сообразил, почему Лев Михайлович против него предубежден.

– Постойте, так вы считаете, что я струсил? При первых признаках опасности бросил самолет? Но это не так. Катапультирование – это крайняя мера спасения жизни, когда все другие средства уже исчерпаны, и никто за это летчика не осуждает.

– Да господь с тобой...

– Оно потому и называется крайней мерой, что шанс выжить весьма скромный. Там идет такая перегрузка, что вам в страшном сне не снилась. Это, знаете, надо еще решиться на аварийное покидание самолета и доверить свою жизнь какой-то тряпочке, поэтому никто не настраивает летчика бороться за машину до последнего, наоборот. Все-таки человек – это человек, а самолет – железо, пусть и очень дорогое.

– Ваня, остановись. – мягко, но требовательно произнес Зайцев. – Я не сомневаюсь, что ты поступил тогда правильно, проблема в другом. Ты пока не понял, что больше катапульты у тебя нет.

Иван только руками развел. Похоже, в глазах старика он какой-то воздушный хулиган, который, дорвавшись до власти, немедленно начнет крутить мертвые петли с пассажирами на борту. А хуже всего, что Трижды Зверь, как все недалекие люди, считает себя крайне мудрым и проницательным, и если уж что-то втемяшилось ему в голову, то никакими силами не переубедишь.

В принципе, деда понять тоже можно, ведь он не знает специфики военной службы и считает, что Иван безответственно отнесся к полету, может, не проверил техническое состояние машины, может, пренебрег погодой, может, увлекся, проявил лишнее удальство и в результате угробил дорогую машину, ради выпуска которой советский народ годами горбатился, недоедал и вообще отказывал себе во всем. А Иван Леонидов бестрепетно отправил ее в болото легким движением руки. Жаль, конечно, уникальную технику, но военный

человек мирится с такими потерями, потому что война – это вообще потери и разрушение. Люди тратят кучу времени и денег ради того, чтобы поднять в воздух истребитель, единственная цель которого – уничтожить за одну секунду другой истребитель, созданный другими людьми ценой огромных трудов и лишений. Безумие, если вдуматься, но военная служба устроена так, что размышлять на ней некогда и опасно. День забит под завязку, лишь бы только у офицера не образовалась тихой минутки, во время которой к нему вдруг снизошло бы понимание, какому чудовищному занятию он посвящает свою жизнь.

Зайцев вдруг пристально и сурово посмотрел на него, Иван буркнул «виноват» и обратился к полетной документации, хотя очень хотелось сказать, что нельзя ломать людям карьеру из-за своих замшелых предубеждений и стереотипов. Слова эти просто просились на язык, но, к счастью, в штурманской комнате появились остальные члены экипажа.

Бортинженер Павел Степанович был увлеченным лыжником, и встречный ветер с морозом совершенно стерли приметы времени с его лица. Обладателю этой задубевшей физиономии можно было дать и тридцать, и восемьдесят лет, и только по тому, что Зайцев общался с ним чуть более по-дружески, чем с другими членами экипажа, Иван догадывался, что истина ближе ко второй цифре. Штурман Гранкин только-только выпустился из института, а вдобавок был еще выше высокого Ивана, мелкий Зайцев рядом с ним смотрелся сущим гномом, поэтому молодой специалист вынужден был вести себя особенно скромно и услужливо, и личные качества его оставались пока загадкой.

Иван привычно заполнил лист с информацией о полете. Немного поспорили насчет количества топлива. Зайцев попросил накинуть лишнюю тонну, хотя в этом не было необходимости. Все в штатном режиме, никаких сюрпризов не предвидится. Правда, в Таллине ожидается дождь, но после того, как они покинут этот уютный город, а в конечном пункте маршрута погода звенит, так же как и на запасном аэродроме.

– Зачем? – пожал плечами Павел Степанович.

– Да вроде и незачем, – ответил ему Зайцев, – просто старая привычка, с Севера осталась. Там всегда надо иметь в виду, что запасной аэродром тоже закроют, а тебя погонят куда-то еще.

Вписали лишнюю тонну.

Закончив расчеты, Зайцев достал папиросы, чтобы как следует накуриться перед рейсом. По штурманской пополз горький и душный дымок, от которого Павел Степанович сразу начал демонстративно отмахиваться.

- Фу, Михалыч, гадость! Лучше бутылку водки выпей, чем кури.

- Тебе-то лучше.

- Правда, это ж смерть. Рак, давление, инфаркт!

- А водка прямо самый витамин.

- Тоже не панацея, конечно. Лучше не выбирать между двух зол, а избегать. Вот Иван Николаевич молодец, не курит и не пьет!

- И здоровеньким помрет, - улыбнулся Леонидов.

- Ну да. Я-то хоть выпью, так десяточку пробегу, а то и двадцатку дам, алкоголь-то весь и выйдет, а никотин куда ты денешь? Все в организме накапливается. Честно говоря, Михалыч, непонятно, как ты только медкомиссию проходишь, когда у тебя все сосуды забиты табаком?

Как только Зайцев брал в руки папиросу, бортинженер сразу заводил лекцию о вреде курения, но за время работы Ивана в экипаже ситуация не сдвинулась с мертвой точки. Лев Михайлович не пытался бросить, а Павел Степанович - понять, что проповедь его тщетна.

- В этот раз по самой кромке прошел, - Зайцев глубоко и со вкусом затянулся, - по лезвию бритвы, а на следующий год, наверное, уже не стану. Хватит. Уходить надо вовремя. А то будет как в анекдоте, когда старый пилот запрашивает разрешение на вылет, штурман говорит, ты что, какой взлетать, видимость сто метров, а пилот отвечает, так а я дальше и не вижу.

Иван со штурманом вежливо посмеялись бородатой шутке.

– Пора мне на заслуженный отдых, пора.

Зайцев сделал паузу, видимо, ожидая возражений, но их не последовало, тогда он выдохнул очередную порцию горького дыма и продолжал:

– Да, решено, вот только Ивана Николаевича до ума доведу, и все, на волю. Он пусть тут вами командует, а я дачу дострою наконец.

Леонидов заставил себя улыбнуться. До ума доведу, надо же... Будто он желторотик неотесанный, салага, а не боевой офицер. Но именно потому, что он боевой офицер, он промолчит.

Апрель

В кабинетах горкома сидели те же люди, и если в соответствии с указаниями руководства мышление у них стало новое, то на обстановке это никак не отразилось.

В приемной оказалось несколько мужчин в костюмах, до странности похожих друг на друга, и Ирина со вздохом села в уголочке. Партийные руководители и хорошенькие девочки знают главный принцип: хочешь набить себе цену – заставляй ждать.

Жаль только, что сегодня она не одна, а с Павлом Михайловичем, поэтому неудобно доставать из сумки книжку, придется рассматривать копию картины Айвазовского «Девятый вал», висящую над столом секретарши. Вообще говоря, картина о могуществе стихии и покорности судьбе – странный выбор для коммунистического учреждения.

Председатель суда выпрямился, сцепил руки в замок, похоже, волновался, а Ирине даже думать не хотелось, что ждет ее за массивными дубовыми дверями.

Если честно, то вообще ни о чем не хотелось думать. Вдруг остро и явственно вспомнилось, как Кирилл обнимал ее в лесу, и по телу разлилось приятное тепло. Заниматься любовью на природе глупо, но в тот раз им было

удивительно, космически хорошо вместе. И сейчас хотелось домой, печь пирог для мужа и детей, обнимать их и любить, а не тратить время на пустопорожние разговоры с сильными мира сего.

А ведь можно просидеть в очереди и до глубокого вечера, черт его знает, какие тут порядки. Коммунисты бдят о счастье трудового народа неусыпно, в том числе и после окончания рабочего дня. Кирилл заберет Володю из яселек, в этом на него можно положиться, но завтра ему в первую смену, вставать в пять утра, и хорошо бы лечь пораньше, а не нянчить ребенка, пока жена порхает по высоким кабинетам! Черт возьми, у нее муж работает как вол, чтобы семья ни в чем не нуждалась, так редкие минуты отдыха имеет право тратить на свой диплом, который у него есть шанс защитить в этом году. Призрачный, но есть. Ирина вздохнула. У нее самой-то все в порядке, высшее образование, умеренно успешная карьера, интересная и ответственная работа. Чем из этого набора она поступилась ради семейной жизни? То-то и оно, что ничем, а вот Кирилл... До женитьбы это был рабочий высочайшей квалификации, перспективный студент филфака и талантливый поэт-песенник (хотя у них в рок-клубе это называется иначе). Теперь, по сути, остался только рабочий, вкалывающий на износ, остальные ипостаси растаяли, утекли по безжалостной реке времени. И как бы Ирина тут ни при чем, со своими друзьями-музыкантами он не тусуется якобы потому, что повзрослел, стихи писать как бы надоело, а высшее образование вроде тоже сделалось ни к чему, ибо зачем идти в школу на девяносто рублей, когда кузнецом поднимаешь по пятьсот и больше?

Официально это его собственный свободный выбор, а по сути что? Если бы он женился не на женщине с ребенком, а на молодой девочке, которой не надо стремительно рожать, потому что сроки поджимают? Сейчас точно был бы с дипломом, а в своей рокерской тусовке считался бы не одним из, а отцом-основателем на уровне если не Маркса, то Энгельса уж точно.

Кирилл многим пожертвовал ради семьи, и позор, что она этого раньше не замечала. Считала, что настрадалась достаточно и поэтому заслужила счастье, но Кирилл вообще-то не виноват в ее разводе. И к тому, что она путалась с женатым мужиком и попивала, тоже он не причастен. А расплачивается...

Ирина вздохнула, но странным образом хорошее настроение не пропало от этой грустной мысли. Всегда лучше, когда видишь ситуацию так, как есть на самом деле, а не через кривое стекло самолюбования и жалости к себе. Сразу проявляются пути выхода из кризиса. Например, можно в эти выходные уехать

с детьми на дачу, а Кирилл оставить, пусть дописывает диплом в тишине и покое. А если он вместо этого устроит дикую пьянку с Зейдой и Женей Горьковым, то тоже ничего.

Тут секретарша неожиданно пригласила их войти, и Ирина вскочила, не веря своей удаче.

Она уже бывала в этом кабинете несколько лет назад, когда судила секретаря комсомольской организации, и с тех пор хозяин стал еще больше похож на красную звезду кругленьким торсом и короткими толстенькими конечностями. Некоторые друзья Ирины, недолюбливавшие советский строй, утверждали, что в целях спасения страны всех партийных бюрократов необходимо вешать на фонарях. Так вот если бы им удалось претворить в жизнь свои кровожадные замыслы, то конкретно с этим бюрократом у них все равно бы ничего не вышло. Человек с шеей, заметно превосходящей по диаметру голову, неминуемо выскользнет из петли.

– О, проходите, проходите, – радушно улыбаясь, чиновник выкатился из-за стола, пожал руку Павлу Михайловичу, а Ирину галантно взял под локоток и повел к кожаному диванчику, стоящему возле окна. Рука у него была теплая и приятная, – давненько мы с вами не виделись, Ирина Андреевна.

– Да, давно, – кивнула Ирина, с некоторым опозданием вспомнив, что тогда ее просили вынести обвинительный приговор, а она поступила наоборот, и сейчас, возможно, настало время расплатиться за своеволие.

– Надеюсь, я тогда вам помог.

– Да, спасибо. – Ирина села и поправила юбку так, чтобы закрывала колени.

– Ну что вы, это наша работа, – хозяин пододвинул кресло так, чтобы сестра напротив, а Павлу Михайловичу предложил место рядом с Ириной, – рад, что сумел убедить вас, что истинный комсомолец не может быть преступником, и мы избежали чудовищной судебной ошибки.

Кажется, Ирине не удалось скрыть охватившего ее ужаса, ведь она четко помнила, как этот человек требовал от нее обвинительного приговора. Она снова разгладила юбку.

– Ах, Ирина Андреевна, смотрю я на вас и удивляюсь, почему вы еще не на партийной работе? Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, просто красавица, и никакого роста... – он засмеялся. – А, Павел Михайлович? Почему зажимаете таких сотрудников? Активнее надо выдвигать достойных людей, нам нужны сейчас новые энергичные кадры! Впрочем, прошу прощения, это не к вам вопрос, а к руководителю вашей партийной организации. Как так? Сама образцовый работник, муж – ударник коммунистического труда, и не охвачена общественной нагрузкой!

– Просто у меня маленькие дети, – зачем-то стала оправдываться Ирина.

– И в этом вы пример для советских женщин, – восхитился партиец, – которые, к счастью, имеют возможность совмещать воспитание потомства с активной трудовой и общественной жизнью!

«Да что ты говоришь!» – про себя ухмыльнулась Ирина, которую стало наконец восхищать столь вольное обхождение с реальностью.

Партиец вдруг вскочил, подбежал к селектору и потребовал у секретарши кофе. Видимо, они были достаточно важны, чтобы их угостить, но еще не доросли выбирать напиток себе по вкусу.

– Что ж, давайте к делу. – Хозяин снова сел и энергично ударил себя пухлым кулачком по коленке. – Вопрос непростой, Павел Михайлович...

– Да, с правовой точки зрения тут весьма тонкая грань, – подал голос председатель суда.

– Дорогие мои, у каждого из нас своя специальность и, соответственно, точка зрения. Правовая, медицинская, инженерная, и так далее. Но все мы, все до единого граждане нашей великой страны, прежде всего должны соблюдать интересы государства. Они на первом месте всегда и при любых обстоятельствах.

Ирина с Павлом Михайловичем синхронно кивнули.

– Ну вот именно. И мы, коммунисты, передовая сила нашего общества, обязаны понимать и блюсти государственные интересы, как никто другой.

Тут вошла секретарша и поставила на журнальный столик поднос с тремя крохотными чашками. Аромат, поднимавшийся от них, несколько сгладил тошноту от словоблудия хозяина кабинета.

Взяв чашку, Ирина с наслаждением вдохнула и сделала глоток. Бесподобно.

– Дорогая Ирина Андреевна, сейчас родина доверила вам отстаивать свою безопасность, и вы, как коммунистка, обязаны оправдать это доверие. Сегодня на чаше весов не судьба двух людей, а кое-что неизмеримо большее. И я прямо говорю вам – вы не имеете права на ошибку.

Ирина поставила чашку на поднос и потупилась под взглядом партийца, сделавшимся вдруг холодным и пронизывающим.

– Ирина Андреевна очень добросовестный судья и сама не дает себе такого права, – пришел на выручку Павел Михайлович.

– И нам это известно, иначе мы не облекли бы ее такой ответственностью. – Хозяин кабинета снова улыбался, как на свидании. – Мы не поручаем людям то, что им не по силам.

«Прямо как Господь Бог», – усмехнулась про себя Ирина и снова взялась за кофе. Когда еще придется отведать такого чуда...

– Но плохие бы мы были коммунисты, если бы, дав товарищу трудное задание, оставили его без помощи и поддержки, верно?

– Конечно, – кивнул Павел Михайлович, – не беспокойтесь, я буду всецело содействовать...

– Не сомневаюсь в этом, но и партийная организация не останется в стороне. Да, Ирочка? Вы уж простите, но я к вам по-стариковски... Вы ж мне в дочери годитесь. Так вот, Ирочка, скажу прямо, в данном случае государственные интересы требуют, чтобы вы вынесли обвинительный приговор. Речь идет об

укреплении международного престижа нашей страны и, больше того, о ее обороноспособности. Вам это понятно?

Оставалось только кивнуть.

– Вот и хорошо, Ирочка, вот и славно. Я знаю, что у вас доброе сердце, поэтому спешу обрадовать, что мы не настаиваем на суровом приговоре. Если вдруг у вас не возникнет внутреннего убеждения, то вы можете дать даже условно или как там у вас называется, когда нет лишения свободы. Но признать их виновными строго обязательно, от этого, Ирина Андреевна, зависит благополучие наших граждан. Вам понятно?

И снова оставалось только кивнуть. Хозяин кабинета встал, Ирина с Павлом Михайловичем тоже вскочили и направились к двери, но тут партиец окликнул Ирину и протянул ей белый прямоугольничек:

– Вот моя визитка, пожалуйста, если будут вопросы... Всегда помогу принять верное решение, ну и, кроме того, все мы люди, все мы человеки, так что если какие-нибудь бытовые мелочи помешают сосредоточиться на процессе, тоже звоните. Решим в секунду.

– Фууу... – выдохнула Ирина, когда они вышли на лестничную клетку, – как под гипнозом побывала.

– Да, без этого дара какой парработник, – улыбнулся Павел Михайлович.

– Зато кофе восхитительный.

– А давайте-ка я вас еще разок им угощу, пока мы тут. Не каждый день удается приобщиться к номенклатурным благам высшего уровня, так надо пользоваться.

Председатель суда уверенно провел Ирину по широким коридорам в небольшой уютный зальчик со столиками, накрытыми уютными скатерками в красно-белую клетку.

Не успели они устроиться возле окна, как к ним подошла симпатичная официантка в кружевной наколке. Удивившись такой скорости обслуживания,

Ирина испугалась, что их сейчас вышвырнут отсюда, как самозванцев, но девушка с улыбкой протянула меню.

Ирина смешалась. Она почти не бывала в заведениях рангом выше пирожковой и толком не знала, как себя вести. Кто должен первым брать в руки меню и заказывать? Должна она сообщить, что выбрала, сразу официантке или сначала Павлу Михайловичу? И как рассчитываться? По идее, раз они с председателем не связаны романтическими отношениями, то он и платить за нее не должен, но вот интересно, на что он обидится – если она предложит разделить счет или если не предложит? И как делить, пополам или крохоборски высчитывать, кто что съел? И вообще, судя по блюдам, стоящим на соседних столах, здесь должно быть довольно дорого, а она сегодня разменяла единственную трешку, сдав полтинник на юбилей Табидзе. Мысли эти молнией пронеслись у Ирины в голове, и вдруг стало грустно, что, в сущности, она уже немолода и период красивой женской жизни с ресторанами и кавалерами для нее закончился, так и не начавшись. Невелика, конечно, потеря, но все-таки...

Павел Михайлович же чувствовал себя как рыба в воде. Он ласково спросил у официантки, чем она порекомендует ему угостить своего лучшего сотрудника, и, не глядя в меню, заказал две котлеты по-киевски, два салата из помидоров и – «разрешите, Ирочка, мне вас побаловать» – два бутерброда с черной икрой.

Ирина ужаснулась, какой удар это пиршество должно нанести кошельку председателя, но взглянула в меню и чуть не вскрикнула от удивления. Цены тут были точно такие же, как в рабочей столовой.

– Вот так, Ирочка, – засмеялся Павел Михайлович, когда официантка отошла, – даже не получится тут гусарским размахом произвести впечатление на хорошенькую женщину.

– Но икра... Все же это слишком.

– Ну хоть попробуете истинно русского деликатеса.

– А я ела, – Ирина улыбнулась приятному воспоминанию, – папа водил нас с сестрой в «Октябрьский» на выступление ансамбля Моисеева и в антракте купил нам по бутерброду. Как сейчас помню, кусочек булки, завиток масла, капля икры и долька лимона посередине. А вкус как-то не отложился в памяти.

Впрочем, мы и не были гурманы. Папа любил всякое такое, знаете, ужасное, зельц, конфеты «Кавказские», селедочное масло. Одни раз, когда мы были маленькие, он нас накормил селедочным маслом и повез на троллейбусе к бабушке, которая жила на другом конце города. И то ли масло было просроченное, то ли детям просто нельзя его есть в таких количествах, но нам с сестрой поплохело ровно посреди дороги, нас высадили, и бедный папа оказался в незнакомой местности с двумя, извините за выражение, блюющими детьми.

Павел Михайлович сочувственно поцокал языком:

- И как ваш батюшка вышел из этого затруднительного положения?

- Представляете, помог совершенно незнакомый человек. Ехал себе мимо троллейбусной остановки на личном автомобиле, увидел, как дети надрываются над урной, и остановился.

- Да, времена меняются, - вздохнул председатель, - нынче девяносто девять из ста автомобилистов проедут мимо, и те же самые девяносто девять из ста растерянных отцов не сядут с детьми в машину к незнакомому человеку.

- И слава богу. Нам хоть поменьше работы будет.

Ирина улыбнулась. Память - коварная штука. Перед глазами совершенно ясно стояла бетонная урна с окурками, куда они с сестрой извергали селедочное масло, серебристая решетка радиатора, открытый папин портфель, который он поставил им с сестрой на колени, когда они сели в машину, со строгим указанием тошнить именно туда, а не на великолепные бархатные сиденья, сами сиденья восхитительного малинового цвета, а лицо человека, пришедшего на помощь, совершенно изгладилось из памяти. Вот так и делай добрые дела...

- Извините, что о таких вещах за столом, - спохватилась Ирина, - надеюсь, не испортила вам аппетита.

Павел Михайлович заметил, что в юности, работая следователем, столько всякого повидал, что теперь испортить ему аппетит практически нереально.

Официантка принесла икру в специальной посудке, похожей на очень маленькую чашку, соединенную с большим блюдцем, наполненным льдом. А когда она разложила приборы, Ирина поняла, что зря считала, будто умеет красиво и правильно есть. Многочисленные вилки и ножи представляли для нее настоящий ребус этикета.

- Не как в буфете «Октябрьского»? - ухмыльнулся Павел Михайлович.

Ирина покачала головой.

- А выступление-то вам понравилось?

- Думаю, что да, хотя мы сидели так далеко, что почти ничего не видели, но все равно поняли, какой это высочайший класс. Смешно, мы с сестрой потом подслушали, как папа говорил маме, что номер «Ночь на Лысой горе» настолько эротичный, что ему было неловко смотреть на сцену вместе с дочерьми, и долго сокрушались, как это мы увидели что-то интересное запретное и ничего не поняли.

От хороших воспоминаний Ирине стало весело, она залихватски намазала икру на булочку первым попавшимся ножиком и съела.

- Нет, это не селедочное масло, - сказала она, поймав выжидательный взгляд Павла Михайловича.

- А вы привыкайте, Ирина Андреевна, привыкайте. Возможно, скоро будете сюда частенько заглядывать.

- Да не дай бог!

Председатель выпрямился, давая понять, что шутки кончились:

- Ирина Андреевна, дорогая, как вы думаете, почему я именно вам поручаю это дело? Зная вашу принципиальность и порядочность, нагружаю именно вас, хотя мог бы расписать Долгачеву, который ради карьеры засудит родную мать и глазом не моргнет?

Ирина пожала плечами:

– Действительно... Не хочу хвастаться своей принципиальностью, но в коллективе есть более подходящие кандидатуры для осуществления телефонного права. Меня-то зачем каждый раз ломать?

– Я ведь не вечен, Ирочка.

– Павел Михайлович...

– Знаю, знаю, всех вас переживу, но не забывайте, кроме естественных причин я могу получить повышение.

– А...

– Тсс! Боюсь сглазить, а то чем похвалишься, без того и останешься. Ничего еще не решено.

– Молчу-молчу.

– Но если все получится, то я хотел бы видеть на своем месте именно вас, Ирина Андреевна.

Ирина сглотнула и схватила стакан с водой. После рождения Володи она оставила всякие амбиции и не думала, что слегка приоткрывшаяся перспектива вызовет в душе такое сильное волнение, сравнимое разве что с первым поцелуем. Даже руки задрожали, фу, противно.

Сделав несколько глотков, и с неудовольствием заметив, что губы оставили след помады на тонком стекле, Ирина приказала себе не обольщаться, не надеяться, но в то же время и не сдаваться заранее. Будет действовать по методу Карлсона: спокойствие, только спокойствие.

Павел Михайлович наблюдал за ней с тихой и мудрой улыбкой на устах.

– Да, Ирочка, именно вашу кандидатуру я рекомендовал для рассмотрения в вышестоящих инстанциях и поручаю вам это дело, чтобы вы

продемонстрировали свое умение мыслить не только тактически, но и стратегически, видеть ситуацию в целом и под правильным углом, поскольку эти качества совершенно необходимы для руководителя высокого ранга.

- А приверженность интересам правосудия?

- О, тут вы себя зарекомендовали безупречно.

- А сейчас, значит, должна показать, что могу плясать под чужую дудочку...

Павел Михайлович протестующе поднял ладонь:

- Нет, Ира, прислушавшись к указанию руководства в этом процессе, вы продемонстрируете всего лишь то, что со своего нового высокого места будете видеть всю панораму, которая вам откроется, и принимать решения после комплексного анализа обстановки.

«Я не хочу этого места и не расстроюсь, когда ничего не получится», - прошептала про себя Ирина, а вслух произнесла:

- Когда указание спущено сверху, тратить силы на комплексный анализ уже лишнее и вообще вредно для психики.

- Ах, Ира, Ира... Все-таки вы еще совсем девочка... - Павел Михайлович вздохнул с некоторой театральностью. - Впрочем, с детским бесом бунтарства трудно расставаться, когда живешь в обществе, где привыкли все дихотомировать. Хорошие красные, плохие белые, добрые и щедрые коммунисты, злые и скупые капиталисты. Борься - хорошо, пресмыкаться - плохо, ну и так далее. Но беда в том, что у всего есть не только положительный или отрицательный заряд, но и коэффициент. Не всегда легко понять, где добро, а где зло, а вдобавок жизнь течет, меняется, что хорошо сегодня, оборачивается катастрофой завтра, и ужас в том, что никогда это не предугадать. Идеальных решений не бывает, Ирина Андреевна, это вам скажет любой руководитель.

- Но есть какие-то основополагающие принципы...

– Да, конечно. Но так мало в нашей жизни такого, про которое можно сказать, как в фильме «Чужие письма»: «Нельзя, и все!» Принципы – вещь хорошая, мерило нравственности человека, но, к большому сожалению, нужно видеть не только мерку, но и то, что собираешься ею измерять. Самая лучшая рулетка покажет неверный результат в руках косоного и безрукого строителя.

Ирина поморщилась:

– Извините, но это демагогия.

Официантка принесла им котлеты. Глядя на золотистый цилиндрик рядом с аккуратным холмиком картофельного пюре, на верхушке которого в ямке, как в кратере, блестела лужица растопленного масла, а по краям зеленела россыпь зеленого горошка, Ирина сообразила, что если все сложится удачно, то она будет питаться такой роскошью уже не как бедная родственница и чернавка, а на вполне законном основании. Не ко всем, но кое к каким номенклатурным благам доступ получит. Французские духи так точно будет покупать не у спекулянтов, а в спецмагазине по спеццене, а горошек и майонез дома будет не только в виде двух неприкосновенных банок в глубине холодильника, НЗ на Новый год и день рождения. Пожалуйста, хоть каждый день заходи в распределитель да бери... Всего-то надо показать свою преданность государственным интересам.

– Чтобы не быть голословным, – азартно заметил Павел Михайлович, проглотив кусок котлетки, – давайте вспомним хрестоматийный спор Жеглова и Шарапова про кошелек. Вроде бы нельзя подкидывать улики, верно?

Ирина кивнула.

– Кирпича отпустили, на следующий день он ворует новый кошелек, и семья погибает от голода. И сколько еще пострадает семей, прежде чем его поймают с поличным? Может, стоило чуть-чуть нарушить закон ради жизни честных граждан?

Ирина пожала плечами. Председатель продолжил:

– Ну вот, мы решили, что можно слегка смухлевать ради великой цели, подбросили злодею теперь уже не кошелек, а нож, чтобы изобличить его

в убийстве, в котором он точно, сто процентов, по нашему мнению, виноват. Расстреляли бедолагу, а через год выяснилось, что он ни при чем. Кровь на наших руках, так, значит, нельзя превышать свои полномочия?

– Значит, нельзя.

Павел Михайлович покачал головой:

– Увы, Ира, нет тут готового ответа. Нет. Каждый раз приходится заново решать.

– В этом и состоит моя работа, – буркнула Ирина, страдая, что котлета оказалась умопомрачительно вкусной, и сама она такую приготовить не в силах, как бы ни старалась.

– Даже заповеди те же возьмите. – Видно, Павел Михайлович много об этом думал и теперь рад был оказии высказаться. – Не убий, например, тут уж какие толкования могут быть?

– Со смягчающими и с отягчающими, а больше никакие.

– А если, например, изобретателя атомной бомбы? Пока он еще ничего не придумал, я имею в виду. Что гуманнее – задушить его в колыбельке или допустить Хиросиму и Нагасаки?

– Страшно вас слушать, честное слово, – Ирина улыбнулась.

– Нет, правда, если бы, например, изобрели машину времени... Что достойнее, взять на себя грех детоубийства и спасти миллионы жизней или остаться чистеньким, но за счет гибели двух городов?

Ирину осенило:

– Вы фантастику, что ли, читаете? Братьев Стругацких?

– Почитываю, – потупился председатель.

– Тогда учтите, что, если бы из-за вас не изобрели атомную бомбу, давно бы уже началась третья мировая война, и народу погибло бы не меньше, чем от ядерного взрыва.

– Ну вот, Ирочка! Теперь я вижу, что вы меня понимаете! – просиял Павел Михайлович.

Погоняв горошек по тарелке, Ирина отложила мельхиоровую вилку с булавовидной узорчатой ручкой и длинными зубцами, такую красивую, что мучительно хотелось ее украсть, и заставила себя взглянуть в глаза председателю:

– Простите, я была так ошеломлена, что не поблагодарила вас за доверие. Надеюсь, что смогу оправдать и не приумножить, конечно, но хотя бы сохранить ваши достижения. Не уронить, так сказать... Черт, как фальшиво звучит, но, надеюсь, вы меня поняли.

– Конечно, дорогая моя, конечно. Вы будете прекрасным руководителем, даже лучшим, чем я, только помните, что человек никогда не может сделать идеально, зато хорошо – почти всегда.

Ирина смущенно потупилась, она не привыкла к искренним похвалам. И все же последний раз надо попытаться:

– А никому другому точно нельзя поручить это дело?

– Почему, можно. Только тогда наши с вами карьеры накроются медным тазом. Ну, кажется, теперь я вам аппетит испортил. Вы мне своими рассказами не смогли, а я... Эх, где мое воспитание, я ведь знал, что за едой даму надо развлекать легкой светской беседой, и только после кофе приступить к рабочим вопросам.

Председатель расплатился с внезапно материализовавшейся возле него официанткой, помог Ирине встать, и они не спеша направились в гардероб. Павел Михайлович повел ее в другую сторону, и Ирина решила, что он заблудился в коридорах власти, но, оказывается, он устремился к небольшому залу, где, скрытый от нескромных взглядов, располагался книжный киоск. Дрожа от вожделения, Ирина припала к прилавку, с ходу схватила «Винни-Пуха»

и «Мы на острове Сальт-Крока», но вспомнила, что в кошельке два пятьдесят, и чуть не разрыдалась от досады. Правда, Павел Михайлович тут же ссудил ей пятерку, как книголюб книголюбу, и на улицу они вышли изрядно отягощенные буржуазной литературой.

– Ира, я знаю ваше недоверие к партийной болтовне, но в этот раз старый дурак дело говорил, – негромко произнес председатель, пока они не спеша шли к его автомобилю, – действительно речь идет о международном престиже Советского Союза.

– Не понимаю, как два разгильдяя могут угрожать репутации нашей могучей державы.

– А вот изучите дело повнимательнее, поймете. Враг вступает в город, пленных не щадя, оттого что в кузнице не было гвоздя. Известен вам такой стих?

Ирина кивнула. Так хорошо на улице... Небо высокое, синее и теплое, как бывает только в апреле, деревья покрыты легкой дымкой едва распустившейся листвы, но в воздухе сквозь выхлопные газы уже угадывается будущий аромат сирени...

– Слушайте, – спохватилась она, – а может, мы зря волнуемся? Дело вообще точно передадут в суд?

– Теперь уже точно. По секрету скажу вам, что Макаров хотел прекратить за отсутствием состава преступления.

– Правда?

– Да, Федор Константинович уперся и ни в какую. Если бы не он, дело давно бы уже у вас на столе лежало.

– Вот видите!

– Слушайте, Ира, как вы думаете, насколько важен обвинительный приговор, если Макарова перевели в Москву на должность, которой он давно добивался, лишь бы только дело оказалось в суде?

– Да, наверное, просто совпало, – предположила Ирина. – За строптивость у нас обычно снимают, а не поощряют.

– Ну, Макаров – это не мы с вами, он волк матерый, с таким драться страшновато, – засмеялся Павел Михайлович, – правда, интересный парень, все ему на пользу идет, просто удивительно. Вы его не забывайте и, кстати, ему о себе тоже не давайте забыть. Когда вступите в должность, очень пригодится, что он вам обязан.

Ирина сказала, что учтет.

Когда они были шагах в пятидесяти от машины, Павел Михайлович вдруг остановился:

– А теперь, Ирина Андреевна, давайте отбросим демагогию и, как истинные марксисты, обратимся к реальности, данной нам в ощущениях. А она такова, что родине нужен этот приговор, и родина его добьется. – Он взял Ирину за локоть и заглянул в глаза: – Оправданием вы только дадите этим людям ложную надежду, а себя лишите всех шансов на блестящее будущее. Все. Больше ничего не получите. Этим гавриков пересудят, а вас в лучшем случае до пенсии оставят на нынешней должности, и то если очень повезет.

– Просто очень тяжело входить в процесс с готовым приговором, – попыталась объяснить Ирина. – Я, наоборот, стараюсь привести себя в состояние чистого листа, а тут...

Председатель вздохнул:

– Понимаю вас. Ладно, откровенность за откровенность. Лично я ставлю интересы государства выше интересов двух его отдельных граждан, это раз. По моему глубокому убеждению, они виновны, это два. Но я поручил это дело не Долгачеву, с которым, как вы правильно заметили, мне не пришлось бы разводить душеспасительных бесед, ибо он тут же в холуйском рвении впаял бы им на всю катушку, глазом не моргнув. Нет, я поручил его вам, потому что знаю, что вы будете судить максимально справедливо даже в таких несправедливых условиях. Помните, что у вас всегда есть возможность дать ниже нижнего. И вообще, Ирочка, самое плохое дело надо поручать самому хорошему человеку, вот вам еще одно мое важное наставление на будущее.

Ирина неохотно кивнула, досадуя, что удары судьбы так и не смогли выбить из нее остатки совести.

Они сели в машину. Откинувшись на мягкое сиденье, Ирина вдруг сообразила, что к осени это может быть уже ее служебный автомобиль. Немножко больше гибкости – и дело в шляпе.

– Знаете что, Ирина Андреевна? – вдруг воскликнул председатель с оживлением, показавшимся Ирине фальшивым. – Помнится, у вас накопилось несколько отгулов... Не хотите ли воспользоваться?

Ирина отказалась. Отгулы были ее аварийным запасом времени на случай внезапных семейных проблем.

– Нет, правда... Процесс в любом случае предстоит сложный, потребует от вас колоссального напряжения, а сами знаете, чтобы хорошо поработать, следует хорошо отдохнуть. Как раз перед майскими возьмите три дня, и выйдет целая неделя, почти каникулы.

Идея вдруг показалась заманчивой. В самом деле, погода стоит восхитительная, почему бы не вывезти детей на дачу? Дом готов, а на три дня она Егора в школе отпросит.

Сыновья подышат свежим воздухом, а она на природе спокойненько поразмыслит над открывшимися перспективами, почитает... Только что купленные книги манят со страшной силой, но придется изучать материалы по процессу.

Павел Михайлович прав, уклоняться нельзя. У нее, по крайней мере, хватит самообладания дать ниже нижнего, а не на всю катушку.

Только подойдя к дому, Ирина внезапно сообразила, что надо посоветоваться с мужем перед таким ответственным шагом, как переход на руководящую работу.

18 марта

Лев Михайлович славился на весь аэрофлот не только богатырским здоровьем, но и педантизмом. Руководство летной эксплуатации и прочие инструкции он знал наизусть и неукоснительно выполнял, никогда не перепоручая второму пилоту даже самой незначительной задачи, если она была прописана в его командирских обязанностях. Вот и сегодня он занял свое место в кабине только после того, как вместе с Иваном тщательно осмотрел самолет на предмет исправности. Иван задержался, чтобы попросить у Наташи воды, хотя пить ему совсем не хотелось. Просто улыбнуться, прикоснуться к руке, почувствовать юношеское замирание сердца. Всего лишь секунда, и ничего больше. Хотелось верить, что Наташа не понимает его чувств или хотя бы не придает им значения, но Иван знал, что это, скорее всего, не так. Иногда он позволял себе чуть-чуть помечтать, как бы у них сложилось, будь он свободен. Радостная жизнь с радостной девушкой, лето, легкий стук каблучков, качели, крепкие здоровые дети... Тряхнув головой, чтобы отогнать заманчивые видения, Иван вошел в кабину и занял опостылевшее правое кресло второго пилота.

Лев Михайлович провел краткую предполетную подготовку в кабине, в сотый раз повторив то, что экипажу было прекрасно известно, ведь маршрут летанный-перелетанный.

Зайцев сообщил, что пилотировать будет сам, но Иван и так уже понял, что из-за неприятного разговора в штурманской сегодня его дело правое – не мешать левому. И очень может быть, не только сегодня, вредный старикашка надолго произвел его в пассажиры, чтобы он постоял в углу и подумал над своим поведением.

«Ничего, потерплю, поскучаю час с небольшим, и домой», – подбодрил себя Иван, хотя дома тоже не ждало его ничего особенно хорошего.

Он будто занял не свой эшелон, жил чужую судьбу. Его настоящая жизнь была совсем другая, счастливая, солнечная и удачная, к ней он упорно шел, набирал высоту, но где-то дал закритический угол атаки и свалился в штопор.

Он всегда знал, что будет летчиком, и дело было даже не в желании и мечте, просто он таким родился, как рождаются мальчиками и девочками. Может, и хотелось бы стать кем-то другим, но никак.

Отец, бывший летчиком во время войны, всячески поддерживал его, помогал с алгеброй, геометрией и физикой – предметами, необходимыми для поступления в военное училище, в которых Иван соображал на четверку с минусом, а вернее сказать, на троечку. Зато по части физкультуры помогать не пришлось – Иван истово занимался легкой атлетикой, однажды даже взял серебро на первенстве города, и, наверное, мог бы добиться больших результатов, но тогда спорт занял бы всю его жизнь, как у одноклассника-фигуриста, который, бедняга, появлялся в школе от случая к случаю, а в эти редкие моменты, кажется, не вполне понимал, где находится и чего от него хотят. Зато стал олимпийским чемпионом.

К выпускному классу многие пересматривают свои жизненные ценности, соображают, что романтику на хлеб не намажешь, и выбирают прозаические, но денежные и спокойные профессии. Иван держался. Ежедневные пробежки чередовались с занятиями у репетиторов, и усердие дало свои плоды: Иван поступил в Харьковское высшее военное авиационное училище.

Честно говоря, поддерживали его только родители и лучший друг папы Станислав Петрович Горяинов. Остальные родственники и знакомые в один голос пели о жуткой дедовщине, казарме и муштре, которые ждут его в училище, о невыносимых нагрузках и голодном пайке, о дикостях жизни в гарнизоне, о тупости военных и еще о многом подобном, так что, кажется, без внимания не остался ни один стереотип. Иван, конечно, не верил, но предполагал, что будет нелегко, поэтому весь первый год в училище ему казалось, что его щадят по сравнению с остальными курсантами, дают более легкие задания, чем всем остальным. Даже точные науки сделались какими-то менее точными, потому что Иван вдруг стал их понимать.

Тогда он был счастлив, как, наверное, любой человек, когда приходит к выводу, что он на верном пути и хватит сил пройти этот путь до конца.

После первого курса Иван вернулся на каникулы домой, и отец сказал, что пора начать думать о женитьбе, то есть подыскивать подходящую девушку, которая станет надежной спутницей жизни и боевой подружкой.

Иван пожал плечами. Намек отца был тонок, но прозрачен, он сразу уловил, какая девушка имеется в виду, и делать ее своей боевой подружкой категорически не желал.

В школе в него были влюблены почти все девчонки из класса, и из параллельного, и из младших, наверное, тоже. Мама жаловалась на неисправность телефонной линии, мол, звонят, а в трубке тишина, но Иван знал, что не в линии тут дело. Комсорг Кирка Смирнова краснела и бледнела, требуя от него две копейки на уплату членских взносов, отличница Катя Гречкина из всего класса давала списать только ему, в общем, Иван как сыр в масле катался в фокусе женского внимания. Самому ему нравилась девчонка из параллельного, первая красавица школы Таня Сологубова. У нее были такие точеные икры, что глаз не оторвать, ну и все остальное тоже не подкачало. Густые волнистые волосы, пухлые губки и, главное, ясные глаза, сверкающие радостью, покорили Иваново сердце. Удивительно, как это так, десять лет ходит в школу какая-то Танька с бантиками, и наплевать на нее, но вдруг она распускает косу, и тебе свет без нее не мил. Ну как не мил... Нормальный свет, но с ней интереснее.

Где-то недельку Иван барражировал вокруг своего объекта, не из робости, а потому что влюбленному полагается страдать, но тут в школе устроили праздничный вечер по случаю Нового года. Иван пригласил Таню на медленный танец, и все сладилось.

Через несколько дней они уже занимались разными глупостями у Таньки дома. Сначала немножко, потом чуть побольше, а вскоре и на полную катушку. Он не был у нее первым. Хмурясь и морщась изо всех сил, чтобы выдавить из себя слезу, Таня призналась, что любила одного человека больше жизни, сразу после школы они собирались пожениться, но он погиб в автокатастрофе. Иван видел, что она сочиняет, но ему нравилось в Таньке даже это наивное вранье. Какая разница, было и было.

С ней было радостно и весело, Таня не страдала манией величия, как другие красавицы, Иван до сих пор вспоминал их встречи как лучшее, что у него когда-нибудь было с женщиной. Он опасался, что ближе к выпускным экзаменам Таня начнет окучивать его на предмет женитьбы, как минимум станет уговаривать остаться в Ленинграде, но Сологубова в очередной раз удивила, заявив, что разлука для любви как ветер для костра, сильную раздувает, а слабую гасит, поэтому сейчас они ничего друг другу не должны, а там будет видно. Услышав это, Иван прямо сам захотел остаться и променять мечту на женщину, но вовремя одумался.

Они переписывались, в редкие увольнительные Иван шел на почту и звонил Тане, и говорили они не о любви, а о всякой ерунде. Он хотел позвать ее на

присягу как невесту, но у него денег на билет не было, а Таня с мамой считали каждую копейку. А главное, его родители на дух не переносили Таню, и очень сомнительно, что промолчали бы, увидев ее на присяге сына. Танька была «девочка из неполной семьи, мать, гм-гм, легкого поведения, кого она могла воспитать? Только такую же, гм-гм, сынок, да ты посмотри на нее, какой взгляд, мне уже все ясно. Нет, я ни за что не допущу, чтобы мы с ними породнились!».

В такие минуты Иван вспоминал, что не был у Тани первым, но досада эта быстро проходила, потому что он скучал по ней, а когда приехал на каникулы, то все стало неважным, лишь бы только поскорее обнять Таню.

Он проводил с Таней каждую свободную минуту, но так и не представил родителям и не сказал, где пропадает, ограничившись туманным «с друзьями».

В будние дни они падали с Таней в кровать, как только ее мама уходила на работу, а в выходные ездили куда-нибудь на природу, искали там укромный уголок.

В то же время на горизонте стал чаще маячить Станислав Петрович со своей дочкой Лизочкой. Если Иван считался поздним ребенком, то Лиза, будучи младше его на два года, смотрелась настоящей внучкой своих родителей. Семьи дружили крепко, часто обменивались визитами, и Иван всю жизнь страдал от необходимости играть с Лизой. С этой неуклюжей и слабосильной девчонкой нельзя было заняться ничем интересным, ни побегать, ни полазать по деревьям. Приходилось сидеть и разговаривать. Родители утверждали, будто Лиза необыкновенно умная и эрудированная для своих лет, ну а Ивану казалось, что она просто сумасшедшая. Бредит какими-то книжками, стихами, в общем, дура.

Мама Лизы Тамара Борисовна когда-то, наверное, была очень красива, но Лизе от нее не передалось ни точеного профиля, ни тонкой кости. Проще говоря, она была откровенно страшная, с фигурой, как мешок картошки, и с картофельным же носом. Иван иногда даже прикидывал на себя, каково это – жить такой уродиной, очень ужасно или привыкаешь?

В выпускном классе Иван стал уваливать от светских раутов, но отец быстро его разоблачил. Сказал, что нельзя игнорировать людей, которые любят тебя как родного сына, и Иван покорился. Станислав Петрович действительно относился к нему очень хорошо.

Слава богу, теперь их с Лизой уже не отправляли играть, они сидели за общим столом, как взрослые, но Иван все равно довольно быстро понял, что Лиза в него влюблена.

Существует миф, что мужчины грубые, примитивные и ненаблюдательные создания и до упора не понимают, что нравятся женщине, но это правда, только когда им очень не хочется этого понять. На самом деле ловят вибрации ничуть не хуже тонких и чувствительных женщин.

Ивану было несложно раз в две-три недели изобразить из себя туповатого и недалекого парня, но в глубине души немножко он стыдился, что заставляет Лизу страдать. А с другой стороны, не он, так другой, ведь ни один нормальный человек не ответит этой дуре взаимностью.

Между встречами Иван о ней забывал, а уехав в училище, совершенно выкинул из головы. Но вот прошел год, и Лиза опять нарисовалась на пороге, краснея и бледнея ничуть не хуже, чем раньше. И точно такая же страшная.

Что ж, он отбывал повинность и мчался к Таньке.

В этот раз они снова решили расстаться на год без обязательств и посмотреть, что будет. Единственной уступкой свободе стала Танина фотография, которую он теперь хранил у сердца. И часто доставал, смотрел, скучал. Иногда думал, что надо позвонить родителям и сказать, что Таня – его девушка, но все откладывал, потом решил, что о таких важных вещах надо сообщать лично, а не по телефону. А когда приехал в отпуск, то сначала не хотел омрачать радость встречи, а потом Таня сказала, что они все равно не поженятся, пока он не закончит училище, а она – университет, так незачем и родителей напрасно расстраивать. Сейчас она легкомысленная студентка, гордиться нечем, но если Иван представит ее солидной школьной учительницей, то начнется совсем другой разговор.

В этом году Лиза готовилась поступать, поэтому они, к счастью, почти не виделись. Лишь однажды поехали на дачу к Горяиновым. Папа вел свою машину, а Ивана Станислав Петрович попросил сесть за руль своей, потому что сам якобы не любил водить, но, кажется, просто хотел сделать приятное крестнику.

Иван немного волновался, потому что закончил автошколу в шестнадцать, и с тех пор порулить удавалось нечасто, но быстро все вспомнил и довез семейство без приключений.

Радио в машине не работало, и Станислав Петрович вдруг сказал: «Давайте споем» – и затянул грустную казачью песню, тут же сам себя оборвал, мол, хватит тоску наводить, давай, Лиза, что-то повеселее. Она негромко запела про крылатые качели, и у нее оказался такой чистый голос, что Иван не удержался, подхватил, сначала тоже тихо, а потом громче, и Лиза прибавила. Вдруг стало хорошо, не так, как с Таней, но все равно хорошо и спокойно, и верилось, что действительно впереди только небо, ветер и радость.

Он даже скорость прибавил чуть больше дозволенной, но Станислав Петрович предупреждающе кашлянул, и Иван снова пустил его «Волгу» бодрым пенсионерским галопом.

Бывает иногда, незначительные моменты запечатлеваются в памяти ярче, чем важные события. Почему Ивану запомнилось, как они, доехав до дачи, остановились возле ворот и Лиза вышла из машины их открыть? Сидя за рулем, он смотрел, как она возится с замком, и вдруг Тамара Борисовна с усмешкой заметила: «Само изящество». Что-то царапнуло Ивана по сердцу, то ли жалость, то ли сочувствие, он и сам не понял.

После этой поездки папа прямо заговорил с ним о женитьбе на Лизе. Хорошая девочка, родители наши лучшие друзья, мы давно как родственники, так пора и официально породниться. Это будет жена – настоящий крепкий тыл, а не то что какая-нибудь свиристелка, у которой на уме только зарплату мужа растратить да глазки построить его боевым товарищам. Девочка умная, порядочная, учится в медицинском институте, значит, найдет работу в любой дыре, куда его засунут служить. Дело не в деньгах, просто безделье – мать всех пороков. Иван отшутился, мол, Лиза еще маленькая для замужества, но папа вдруг плотно прикрыл дверь и понизил голос:

– А ты не зевай, ведь оглянуться не успеешь, такие ухажеры набегут...

Иван расхохотался.

– А ничего смешного, – оборвал отец, – при таком отце она в девках точно не засидится.

– Рад это слышать.

– Послушай, сын, – отец прошелся по комнате, заложив руки за спину, что у него всегда служило признаком серьезного настроения, – ты взрослый мужчина, так давай поговорим с тобой как мужик с мужиком.

– Давай.

Отец сел рядом с Иваном и похлопал его по коленке:

– Нелегко мне тебе это говорить, но правила жизни изменились. Где-то мы что-то просмотрели, проморгали... Как-то отделилась жизнь от наших принципов, как творог от сыворотки. В общем, сейчас одних личных качеств недостаточно.

– Мне пока хватает, – приосанился Иван.

– Ванечка, я вижу, как упорно ты стремишься к цели, но ведь из пункта А в пункт Б можно дойти пешком, а можно долететь на самолете. Так вот, Ванечка, Станислав Петрович – это твой самолет. Естественно, если ты станешь его зятем.

Иван пожал плечами. Авиация – искусство без дураков, если ты не умеешь летать, то в воздухе тебя никакой блат не спасет. И стратегическое мышление тоже тебе никто по блату в голову не вложит, умственные способности, как и триппер, по телефону не передаются. Нет, оборона страны слишком серьезное дело, ее доверяют самым достойным.

Отец заговорил о том, как после войны мечтал летать, но последствия тяжелого ранения не позволили ему подняться в воздух, и пришлось идти по партийной линии.

– Я честно работал на благо страны и людей, и теперь, оглядываясь назад, отчетливо вижу, что мне есть чем гордиться, но мечтал-то я о небе... – отец вздохнул, – но ничего, как поет Высоцкий, «я успеваю улыбнуться, я видел, кто придет за мной». Когда я думаю, что ты осуществишь мою мечту и станешь

выдающимся летчиком, то понимаю, что жизнь в самом деле была прожита не зря. Я верю, что при жизни буду гордиться своим сыном и после моей смерти ты не бросишь тень на нашу славную фамилию.

Иван подумал, что женитьба по расчету – сомнительный повод для гордости, но решил не углубляться в демагогию, ведь, в сущности, отец дело говорил. Да, двигают достойных, но среди достойных при прочих равных выбирают зятя Станислава Петровича.

Не обошлось и без хрестоматийного «любовь не вздохи на скамейке». Отец сказал, что это не просто стих, а самая что ни на есть правда, которую, увы, пьяное от гормонов молодое существо знать не хочет. В юности человек жаждет красоты и восторгов, только годы идут, и все это рассеивается, как дым, оставляя после себя тягостное похмелье. Любовь – это не чувство, а труд, и много приходится сделать и вытерпеть, прежде чем стать счастливой парой, но оно того стоит. «И если уж мы с тобой говорим откровенно, сын, то в плане постели все женщины, в сущности, одинаковы, с ними тепло и мягко, а свет можно и не включать».

Иван поморщился. Да-да, спокойствие и надежность, но разве надо ради этого отказываться от первой любви, радостной и немного безумной? Глупости, чушь и даже – тсс! – разврат, но вдруг без этого и настоящей любви не получается? Вдруг эти эфемерные пустячки, испаряющиеся без следа с наступлением зрелости, являются фундаментом той солидной и основательной любви, к которой его призывают?

Иван точно знал, что хочет быть с красивой, веселой и энергичной Таней, а жениться на унылой Лизе совершенно не хочет. Абсолютно не желает, пусть бы у нее даже было десять таких отцов, как Станислав Петрович. Он будет жить честно и по любви, достойно, без всяких компромиссов. Не предаст свое сердце ради карьеры.

И в то же время Иван с ужасом понимал, что его тянет сделать именно то, чего не хочется. Выбрать трудный путь, что ли, смело шагнуть навстречу испытаниям, Иван и сам не понимал, откуда берутся эти мысли.

В октябре мама заболела и слегла. Ивану до самого конца не открыли истинного положения, наверное, боялись, что он сорвется, бросит учебу или запьет. «Все

хорошо, хорошо, иду на поправку», – говорила мама по телефону, но когда он приехал на зимние каникулы, то едва успел проститься.

После похорон он был как в тумане, целыми днями сидел в комнате родителей, пытаюсь понять, что теперь это комната отца и мама никогда сюда не вернется.

Однажды пришла Лиза, принесла какую-то еду. Иван, сидя в темноте на полу возле опустевшей маминой постели, слышал, как они с отцом шушукуются в коридоре, потом папа сказал: «Лиза, дочка, хоть ты поговори с ним, а то парень совсем расклеился».

Иван хотел закричать, что не надо с ним ни о чем разговаривать, но Лиза осторожно вошла и молча уселась рядом с ним. Побыла минут десять, поднялась и ушла, так и не сказав ни слова.

Потом они с отцом ели Лизины котлеты, и папа сказал, что Лиза ухаживала за мамой, как родная дочь, он даже не ожидал от девушки такого внимания и милосердия.

Вернувшись в училище, Иван немного отошел. Когда день расписан по минутам, печаль не утихает, но перестает терзать сердце. И чувство вины, крепко сдавившее его после похорон, здесь немного отпустило. Ведь мама не говорила о болезни и не звала приехать именно потому, что хотела гордиться сыном-летчиком, значит, ему надо усердно заниматься, чтобы оправдать мамины ожидания. Вот и все. Что толку сидеть и страдать, от этого точно ничего не изменится. О Тане он старался не думать. Таня – радость, веселье, а ему пока этого нельзя.

В марте он получил от отца длинное письмо, в котором тот сообщал, что Станислав Петрович с женой погибли в автокатастрофе. Встречный грузовик потерял управление, а шофер служебной машины не сумел отвернуть. Иван как-то не воспринял смерть близких друзей семьи, но когда пытался представить, каково теперь Лизе, ему делалось почти физически плохо. Он сам чуть с ума не сошел после смерти мамы, а она потеряла сразу обоих родителей и к тому же девушка.

В первую же увольнительную Иван отправился на переговорный пункт. Ноги не несли, он не знал, что скажет, и вообще нужен ли ей его звонок, и находил кучу

доводов, чтоб его не делать, но все же за шкуру втащил себя в телефонную будку, надеясь, что девушки не окажется дома. Но Лиза взяла трубку после первого гудка, ровным голосом поблагодарила его за внимание, сказала, что держится и беспокоиться о ней не нужно. «Ну и слава богу», – подумал Иван, буркнул какую-то глупость, разъединился, с чувством выполненного долга нашарил в кармане новую пятнадцатикопеечную монетку и набрал Танькин номер.

Иван знал, что отец помогает осиротевшей девушке, а сам он, в свою очередь, ничего ей не обещал, и знаменитая фраза из «Маленького принца» к нему неприменима. Да, он в долгу у нее, что ухаживала за его мамой, и обязательно поможет ей, когда понадобится, но и все. Он не виноват, что Лиза влюбилась в него, ведь он никак ее не завлекал, наоборот, старался не смотреть в ее сторону! Да и вообще это дело прошлое, потеря матери и отца наверняка убила в ней все детские чувства. И перед ее покойными родителями у него тоже нет никаких обязательств, он никогда даже не намекал Станиславу Петровичу, что хотел бы жениться на его дочери, а если отцы между собой договаривались об этом браке, то он тут ни при чем. Совесть его чиста как снег. Рассудком он это понимал, а сердцем чувствовал себя примерно так, будто изнасиловал Лизу, обрюхатил и бросил.

Говорят, что любимый человек – это тот, с кем ты хочешь состариться. Естественно, Иван хотел состариться с бодрой и энергичной Танькой, а не сидеть возле Лизы, размышляя о бренности бытия и силе искусства. Это было ясно как день.

Приехав домой на каникулы, Иван твердо решил сделать Тане предложение, но в первую встречу промолчал, сам не зная почему. Промолчал и на следующий день, а на третьем свидании Таня со смехом призналась, что ее зовет замуж один серьезный человек. Дважды она уже отказывала, но он очень настойчив. Возможно, это была провокация, возможно, нет, просто Иван вдруг с ужасающей ясностью понял, что это неважно. Он как первый раз, будто во вспышке белого холодного света увидел Танькину комнату, обои в цветочек, трещину штукатурки на потолке, похожую на реку Нил, книжную полку со статуэтками и флакончиками духов, расставленными в строгом, известном одной лишь Тане порядке, и понял, что это чужое. И женщина, лежащая рядом с ним в кровати, тоже чужая, не плохая, не хорошая, а просто не его. Тогда он сказал «зовут – выходи», оделся и ушел.

Дойдя до метро, он из автомата позвонил Лизе, просто чтобы выразить свое почтение. Давно надо было это сделать, но Иван все откладывал. Незнакомый женский голос сказал ему, что Лиза здесь больше не живет, и понеслись короткие гудки.

«Неужели вышла замуж?» – подумал Иван с облегчением, но вечером отец рассказал, что после смерти родителей дела Лизы совсем расстроились. Незадолго до аварии Станислав Петрович закрутил какую-то мутную аферу, чтобы выбить для Лизы отдельную квартиру, в результате она оказалась прописана в общежитии своего мединститута, и, видимо, Горяинов на своем посту нажил больше врагов, чем друзей, потому что сироту грабили хоть и строго по закону, но с каким-то остервенением. Дача – служебная, квартира – тоже, а вы, девушка, где прописаны? В общежитии? Вот и следуйте туда. Хорошо хоть койку выделили, а то пришлось бы Лизе в машине ночевать, единственном наследстве родителей. Отец пытался защитить девушку, подключил все свои связи, но безуспешно.

Узнав об этом, Иван растерялся. Да, он ни в чем не виноват и ничего не должен, но сколько ни уговаривал себя, а в душе поселилось какое-то вязкое томительное чувство. Последний раз он испытывал подобное в шестом классе, когда отец водил его в музей Вооруженных сил. Тогда Иван увидел стенд с двумя фотографиями: на одной было изображено несколько мужчин, они стояли кругом и, казалось, дружески беседовали. Вокруг них простиралось пшеничное поле, солнце светило с ясного неба, колосья чуть пригибались, значит, дул небольшой ветерок. От снимка веяло миром и покоем, но, приглядевшись, можно было заметить, что мужчины одеты в немецкую форму, и только один – в брезентовый комбинезон. На втором снимке этот человек был один, крупным планом. Он стоял, глядя куда-то вдаль серьезно, но спокойно. Ветерок трепал его волосы, светлые, как пшеница, и по фотографии никак нельзя было понять, что она запечатлела последние минуты жизни этого человека и человек об этом знал. На стенде было написано, что это фотографии политрука, расстрелянного немцами в августе сорок первого. Имя его осталось неизвестным.

Иван знал, что такое была война для советского народа, но из музея тогда вышел как больной. Само его тело будто противилось тому, чтобы жить в мире, где возможны такие вещи. Где зло делается буднично и спокойно ясным летним днем, просто потому, что так положено.

Тогда он несколько дней ходил сам не свой, а потом как-то притерпелся, забыл, рана затянулась, и мир снова сделался хорошим, правильным и радостным местом.

Сейчас он снова увидел, что это не так, и, что еще хуже, понял, что зло не снаружи, а внутри человека, и в нем тоже оно есть, раз он не хочет выручить девушку из беды.

Следующим вечером Иван поехал в общежитие с тягостной мыслью, что хоть человек и сам делает свою судьбу, бросает ей вызов и преодолевает все препятствия, но есть высшие силы, которым приходится покоряться, несмотря на то что их, может быть, даже и не существует.

Пришлось долго ждать в грязноватом вестибюле, пока Лизу позовут. Иван заглядывался на хорошеньких студенток, и только обрадовался, что Лизы нет дома, а значит, не судьба, как она вышла к нему в синем платье в белый горошек и улыбнулась так, что Ивана проняло.

Они вышли на улицу, и не успели завернуть за угол, как Иван обнял ее и поцеловал, просто чтобы нельзя уже было передумать. Губы Лизы были нежные и неловкие.

Отец сказал: «Что ж, сын, это достойный поступок, я горжусь тобой», и все было решено. Свадьбу решили делать скромную, все же слишком мало времени прошло после смерти родителей. Регистрация в районном загсе, небольшой банкет у них дома да медовая неделька там же, благодаря тому что отец поехал погостить у фронтового приятеля на даче. Ивана такой сдержанный церемониал устраивал на сто процентов, но было немного неловко перед Лизой, которая, наверное, с детства мечтала о белом платье с фатой, цветах, «Волге» с обручальными кольцами на капоте и прочей дребедени. И можно было бы ей это устроить, во всяком случае, расписаться не в загсе, а во Дворце бракосочетаний. Да, там надо ждать три месяца, но у него есть обратный билет, а по военно-перевозочным документам обязаны зарегистрировать досрочно. И машину можно нанять, и всякое такое, но отец сказал, что не стоит размениваться на всякую мишуру. Они с мамой вообще расписались по дороге на работу, и ничего, жили душа в душу, а другие закатывают пиры на весь мир, едут в свадебное путешествие в Сочи, а через год разводятся.

У Лизы даже платье было не белое, а кремовое, чтобы потом носить по торжественным случаям.

Когда гости ушли, отец, прочувствованно благословив обоих, тоже отбыл к своему приятелю, они с Лизой остались одни, и только теперь Иван с пугающей ясностью понял, что ему предстоит. С Танькой секс был приятным и радостным занятием, веселой игрой, в которую оба играли на равных с одинаковым удовольствием. Сейчас его ждало что-то совершенно другое.

Он старался быть ласковым и пылким, но Лиза даже не разделась перед ним, так и осталась в ночной рубашке с оборочками. Она очень смущалась, он тоже робел, боялся ее потрогать в нужных местах, не сумел подготовить и от этого сделал, кажется, очень больно.

Потом он сидел в кухне и ждал, пока Лиза уберет следы своей невинности. Наверное, надо было как-то ее утешить, что-то сказать важное и хорошее, но на сердце было пусто, а фальшь она поймет. Он слышал шелест перестилаемых простыней, торопливые, какие-то виноватые шаги Лизы, шум воды в душе, и тосковал, будто сам потерял девственность. Он хотел вернуться в кровать и притвориться, будто уснул, но тут Лиза вышла из ванной, встала у него за спиной и положила руки ему на плечи. И случился один из редких моментов в человеческой жизни, когда по-настоящему понимаешь, что ты не один. Не сам по себе, не просто всплеск, а короткая нота вечной мелодии. Иван прижался щекой к Лизиной ладони, почувствовал твердую выпуклость новенького обручального кольца, понял, что сделал плохо, но правильно, и успокоился.

Лиза заикнулась о том, чтобы перевестись в Харьковский мединститут, но Иван не видел в этом смысла, ведь ему остался последний год, а там неизвестно, куда пошлют. На девяносто девять процентов туда, откуда до ближайшего института три дня на оленях. Так что какой смысл переводиться на год, а потом остаться одной в чужом городе? Пусть уж доучивается под крылышком отца, а он поскучает на казарменном положении, ничего, для военного человека это дело привычное.

Иван был рад, что исполнил свой долг и женился, но в то же время совсем не грустил по Лизе. Он звонил ей, с удовольствием читал ее письма, неожиданно остроумные и веселые, и даже отвечал на них, хотя в жизни не писал ничего

длиннее новогодних открыток, но не скучал по ней так, как муж должен скучать по жене. Стыдно сказать, он Танькину фотографию не смог выбросить, вот как мало тосковал по Лизе.

Детей он теоретически хотел, но на практике всячески старался отодвинуть радостный момент отцовства, благо Таня вымуштровала его в этом плане на «отлично». Только после зимних каникул выяснилось, что в лучшем случае на троечку, потому что Лиза забеременела, несмотря на все его старания. Он удивился, как такое могло произойти, а потом вспомнил, что в день встречи с женой после пятимесячного воздержания действительно мало о чем думал.

Иван не обрадовался и не огорчился, просто стало ясно, что брак этот настоящий и нельзя будет после нескольких лет раздельной жизни безболезненно свести его на нет.

После училища он получил направление на Дальний Восток. Лизе осталось учиться три года, но когда подошло время декрета, она прилетела к нему как жена декабриста и, как истинная аристократка, оказалась не приспособлена к жизни в офицерской общаге. Она не умела готовить и стирать и трудно находила общий язык с другими женами. Иван не упрекал ее, но видел, что она тяготится сложным бытом, общей кухней, туалетом и душевой в конце коридора, стиркой по расписанию, комнатой, в которой две составленные вместе железные койки занимали почти все свободное место. Лиза тоже не жаловалась, как подобает жене военного, стойко переносила тяготы и лишения, но давалось ей это тяжелее, чем другим девчонкам, выскочившим замуж из сельских домов или густонаселенных коммуналок.

Стасик родился в срок, вроде бы все прошло без проблем и осложнений, Иван, как положено, проставился товарищам, втиснул в комнату детскую кроватку, для чего пришлось подарить соседям обеденный стол, и стал ждать, когда его накроет волна отцовской любви.

Только ничего в его душе не перевернулось, когда он взял на руки перевязанный голубой ленточкой кулек. Просто появился маленький человечек, о котором он должен заботиться, вот и все, и никакой эйфории.

Стасик много плакал по ночам, Иван не высыпался и последними словами клял себя за то, что злится на ни в чем не повинного ребенка. Ему говорили, что это

газики и тут ничего не поделаешь, надо просто перетерпеть это сложное время, потом предстоит взять еще один рубеж под названием «зубки», ну а после с каждым днем будет становиться все радостнее и интереснее. Первые шаги, первое слово, а там оглянуться не успеют, как поведут сына в первый класс. Что ж, Иван терпел, и пока Лиза по ночам укачивала сына, он представлял себе радостные картины, как играет в футбол с повзрослевшим Стасиком, как учит плавать, как ведет его на аэродром и показывает, на каких папка летает мощных истребителях.

Только ничего этого не сбылось, в три месяца Стасик тяжело заболел пневмонией. Потребовалась госпитализация, и несколько дней врачи не ручались за его жизнь, потом вроде обошлось, Иван вздохнул с облегчением, но не успел сын выписаться из больницы, как у него началась кишечная инфекция, а следом снова простуда. Лиза осунулась, почернела, взгляд сделался тяжелым и настороженным. Она будто толкала время вперед, чтобы приблизить выздоровление сына, а в те редкие дни, когда он был в порядке, наоборот, пыталась затормозить, остановить часы, чтобы не наступал новый день с новой болезнью.

Ребенок хныкал, обессиленный температурой, а Иван не понимал, как может быть, что он сидит рядом, крепкий мужик, и ничего не в силах сделать для родного сына. Сколько ни качай на руках, ни обнимай, ни целуй, а здоровья своего не передашь и болезни на себя не примешь. Это казалось чудовищной несправедливостью.

Вскоре стало ясно, что если они не хотят погубить ребенка, то надо везти его домой, в Москву, к хорошим врачам и в нормальный климат.

Лиза уехала, а он остался служить. Можно было попросить перевод, и его рапорт наверняка удовлетворили бы, но участковая уверяла, что «к трем годам малыш перерастет, выправится», да и Лизе все равно надо закончить институт. Стоит ли бросать службу, которая ему нравится и где открываются очень хорошие перспективы, только чтобы не разлучаться на годик-другой?

Иван не скучал по семье. Лучше знать, что они благополучны вдали, чем страдают рядом с ним.

Правда, в Москве Стасик все равно болел, так что Лизе пришлось взять новую академку.

Так прошло два года. Стасик пошел без него, и первое слово сына Иван тоже не слышал, и не носил его на руках, и не обтирал водой с уксусом, когда температура поднималась слишком высоко, и, наверное, поэтому, приезжая в отпуск, каждый раз с трудом привыкал к мысли, что этот бледненький щуплый мальчик – его сын. Лиза, как все матери больных детей, совсем переселилась в ребенка. Все остальное было либо неважно, либо стыдно. Она совсем махнула на себя рукой, расплнела, расплзлась, а в постели следила только за тем, чтобы не забеременеть, потому что с таким здоровьем Стасика заводить второго ребенка невозможно.

По ночам Иван иногда просыпался, с тоской понимал, что жить в подвешенном состоянии неправильно и нельзя. Что ненормально, когда дед замещает отца, пока тот болтается на другой стороне планеты. В войну разлуки неизбежны, но в мирное время семья должна быть вместе. Думал, но ничего не делал, надеясь, что жизнь сама расставит все по своим местам. Так оно в конце концов и случилось.

Ивану пришлось катапультироваться из самолета. В результате он заработал компрессионный перелом двух последних грудных позвонков, то есть легко отделался, ведь катапультирование примерно так же безопасно для жизни, как русская рулетка. По обломкам самолета установили, что виной была техническая неисправность, а он проявил выдержку и мужество, но все равно небо для него закрылось. Ни один врач в здравом уме больше не пустит его за штурвал истребителя.

Пришлось месяц лежать в госпитале, где все лечение состояло в строгом постельном режиме и фанерном щите, подложенном под комковатый матрас. Болея впервые в жизни, Иван тосковал и стыдился своей немощи и надеялся только на то, что раз ему плохо, то, может, Стасику выйдет послабление по части болячек. Вдруг он остро и совершенно по-детски заскучал по Лизе, захотел, чтобы она прилетела, кормила его с ложечки и читала вслух свои любимые книжки. Но жена, конечно, не могла оставить ребенка, тем более что Иван наврал по телефону, будто у него нет серьезных повреждений.

Еще два месяца ушло на увольнение, и в июле он прилетел в Москву гражданским человеком.

Иван слегка растерялся от неожиданной свободы, но отец быстро привел его в чувство, отчеканив: «Соберись, Ваня! Я должен гордиться своим сыном, а не стыдиться его!»

При выписке врачи сказали, что после формирования костной мозоли он будет ничем не хуже здорового, главное – это создание мышечного корсета, поэтому Иван все лето плавал в любом пригодном для этого водоеме и делал упражнения на мышцы спины, а к осени без особых трудностей прошел медкомиссию и поехал в Ленинград переучиваться на гражданские самолеты. Снова жил отдельно от семьи, но приезжал домой на выходные.

Отучился год, и тут отец напряг все свои связи, чтобы его зачислили в авиаотряд Домодедово, а не отправили снова бог знает куда. Иван понимал, что так лучше для семьи, хотя бог знает где он давно бы стал командиром воздушного судна, а тут уже третий год летает вторым.

Станным образом, зажив вместе, как семья, они с Лизой еще больше отдалились друг от друга. Раньше хоть писали письма и разговаривали по телефону, а теперь и этого не стало. Спали вместе, да, и он был с женой каждую ночь, которую проводил дома, наверстывал долгое соломенное вдовство, но это был именно что секс, а не соитие с любимой женщиной. Тепло и мягко, а свет можно не включать.

Стасика, который, преодолев трехлетний рубеж, не перерос свои болезни, Иван очень жалел, но не любил так, как отец должен любить сына. Ребенок дичился его, а Иван робел и не знал, что сказать мальчику, который в шесть лет уже читает Дюма и Жюль Верна, но ни разу не гонял с пацанами в футбол и не лазал по деревьям. Если в других городах выпадало между рейсами свободное время, Иван первым делом несся в книжный магазин, вдруг выбросили что-то интересное для Стасика. Почему-то особенно много хороших книг продавалось в Кишиневе, например, там он купил сборник Даррелла, в который сын на целую неделю погрузился, как подводная лодка в океан.

Ивану нравилось, когда Стасик радуется, но в то же время он понимал, что расслабляет и разнеживает сына, тогда как для воспитания мужчины необходима твердость. Нельзя потакать ребенку, прощать ему оплошности, даже если у него не все в порядке со здоровьем. «Ты не добрый, а добренький, – выговаривал Ивану отец, – идешь на поводу у собственной сентиментальности,

а в результате в атмосфере вседозволенности кто у нас вырастет?
Инфантильный эгоист, чудовище!»

В сущности, дед заменил Стасику вечно отсутствующего папу, и Иван теперь мог претендовать разве что на роль старшего брата.

Отец говорил, что Стасик болеет оттого, что Лиза слишком с ним цацкается, изнежила ребенка, вот на него и садится любая болячка.

«Парня надо закалять, а не пичкать лекарствами!» – провозглашал отец, и Иван был с ним полностью согласен. Его самого отец в четыре года приучил обливаться ледяной водой, так что теперь не плеснуть на себя утром тазик холодной воды было все равно что не почистить зубы, и в результате он до сих пор не знал, что такое грипп и простуда.

«Я сделаю из тебя богатыря!» – обещал отец Стасику, но после двух дней осторожного обтирания холодным махровым полотенцем будущий богатырь обвесился соплями и три дня лежал с температурой под сорок.

Прогулки, спорт, все не шло на пользу. Даже во время безусловно безопасных оздоровительных занятий лечебной физкультурой в поликлинике под присмотром врача Стасик ухитрился подхватить мононуклеоз.

На этой почве между отцом и Лизой, прежде души не чаявшими друг в друге, возникла некоторая напряженность. Лиза просила его оставить Стасика в покое, а отец отвечал, рад бы, но ради ребенка ни за что этого не сделает. Он понимает, что она мать и волнуется, но мужик должен расти мужиком, а не кисейной барышней.

Зимой Стасик почти месяц не болел, и отец решил, что надо научить его кататься на коньках. Лизе затея эта явно пришлась не по вкусу, но сын загорелся идеей, он как раз читал книжку про голландских детей-конькобежцев. Иван был выходной, поэтому послушно завел «Волгу» тестя, единственное приданое жены, и повез семью на каток. Лиза не умела стоять на коньках, а Иван вдруг вспомнил детство и взял в прокате бегаши. С наслаждением сделал круг, разогнавшись возле хоккеистов и погасив скорость там, где плескалась малышня и где папа пытался научить кататься Стасика. Учеба эта состояла в том, что папа отпихивал ребенка от бортика и кричал: «Поймай

движение, поймай! Главное – поймать движение, и ты поедешь!»

Стасик с обреченным видом отпускал бортик, откатывался и немедленно шлепался на пятую точку, папа с возгласом «экий ты неуклюжий!» поднимал его, и все начиналось снова. Иван заметил, что отец дает слишком расплывчатые инструкции, но папа сказал, что все нормально, тело должно подсказать, вот сам Иван сразу заскользил, как только его поставили на коньки.

Лиза сказала, что хватит, пора домой, и Иван расстроился, что сын уйдет с катка с горьким чувством поражения, но тут немолодая пара, степенно катившая под ручку, вдруг остановилась возле них.

– А ну-ка дай сюда, – женщина деловито сдернула шарф с шеи Ивана, прежде чем он успел что-то возразить, и продела его под мышки Стасику на манер постромков. – Так, теперь давай потихонечку шагай.

Сначала Стасик болтался на шарфе, как марионетка, но вскоре его движения сделались более осознанными, женщина стала потихоньку опускать руку.

– Так и на велосипеде легко научить, – заметил ее муж, тихонько катившийся рядом с Иваном, – только у меня уже нет сил за великом бежать, старость, что вы хотите.

Через полчаса шарф вернули владельцу – Стасик ехал сам, пусть неловко и неуклюже, но равновесие держать научился.

Всю неделю Стасик бредил катком, но в субботу у него начался кашель, а в воскресенье поднялась температура, и стало ясно, что никуда они не пойдут.

Стасик плакал, дед требовал от него утереть слезы и быть мужчиной, Лиза что-то ответила невпопад, и, как это часто бывает, нечаянная оговорка переросла в тяжелую ссору, когда все друг на друга страшно обижены, но никто не знает, из-за чего.

Отец никогда не скандалил. Сколько жил, Иван не помнил, чтобы папа вышел из себя, накричал на него или оскорбил дурным словом. Наоборот, когда Ивану случалось где-нибудь накуролесить, отец замолкал, лицо его леденело, и сын

будто переставал для него существовать до тех пор, пока Иван не осознавал свою вину и не просил прощения. Становиться невидимкой бывало очень страшно, и Иван изо всех сил старался не разочаровывать отца, ну а если уж случалось, то как можно быстрее бежал извиняться и каяться, хоть порой и не чувствовал себя виноватым.

Ну он, понятно, был юный лоботряс, иначе не воспитаешь, но зачем подвергать Лизу пытке бойкотом, когда она и так измотана болезнями Стасика и своей из-за этого растянувшейся учебой (в прошлом году она с грехом пополам все же получила диплом, и теперь училась в ординатуре, где ее уже начали шпынять за бесконечные больничные)? Ивану казалось, что тут отец поступает слишком жестко, папа, в свою очередь, был недоволен, что Иван запустил совершенно воспитание ребенка, который уже вертит родителями как хочет и в грош никого не ставит. При этом Иван позволяет своей жене хамить человеку, который изо всех сил пытался заменить ей родного отца.

Немного побегав между двух огней, Иван вдруг совершенно отчетливо понял, что он в этой семье лишний. Настолько лишний, что даже в ссоре не понимает, на чью сторону встать.

Плохой сын отцу, плохой отец сыну, да и, строго говоря, не муж своей жене, ну а как еще назвать, если она еле терпит твои ласки и радуется, когда ты уходишь в долгий рейс.

Жизнь повернула не туда, и хуже всего, что Иван никак не мог понять, где же он потерял ориентировку и сбился с курса. Когда ушел от Таньки, ослепленный первобытным ужасом самца перед браком? Когда жалость и непонятное чувство вины привели его к Лизе? Но больше всего Иван корил себя за то, что катапультировался, ведь был шанс дотянуть до реки и приводниться. Шанс небольшой, но реальный, и следовало им воспользоваться, сохранил бы и родине дорогую машину, и позвоночник любимому себе. Только Иван знал, что вода мягкая и приятная дома в тазике, а когда на нее падаешь на огромной скорости, то она просто разрывает самолет. Опыт приводнения у него был, но при хорошей погоде и на исправной машине, а тут он решил, что ситуация не позволяет. Короче говоря, струсил, поторопился, потерял хладнокровие, вот и результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/mariya-voronova/ugol-ataki>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)